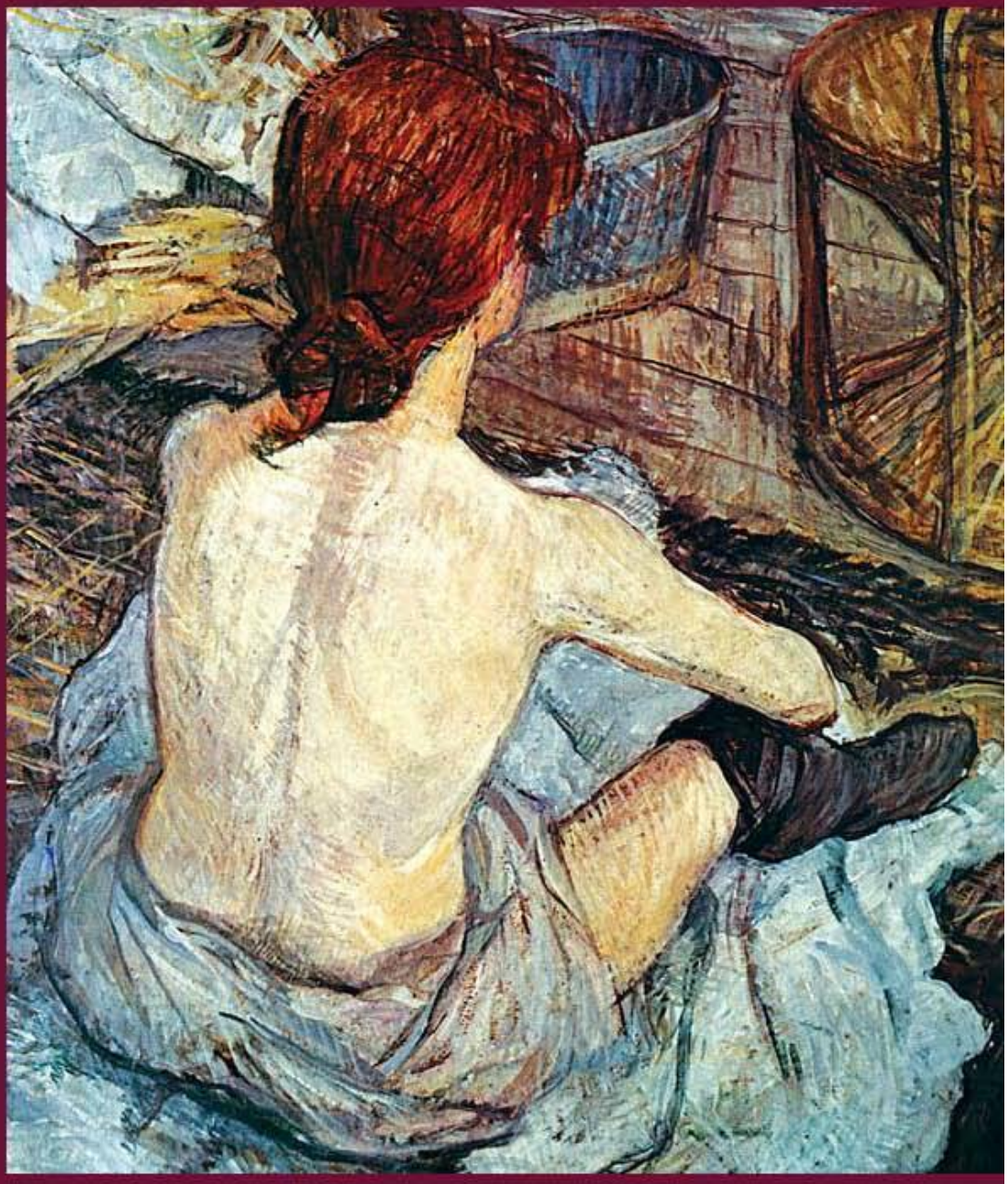
Ги Бретон

История любви
в истории Франции



Эжени флиртовала...

Женщины времен Июльской монархии

Истории любви в истории Франции

Ги Бретон

Эжени флиртовала… Женщины времен Июльской монархии

«Этерна»
1954–1965

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

Бретон Г.

Эжени флиртовала… Женщины времен Июльской монархии / Г. Бретон — «Этерна», 1954–1965 — (Истории любви в истории Франции)

ISBN 978-5-480-00059-7

«Я определенно рискую, пытаясь доказать, что первопричиной великих событий обязательно являлись женщины и какая-либо любовная история, зачастую довольно непристойная. Некоторые суровые или лицемерные критики, возмущенные этим, ядовито замечают, что автор, мол, захотел отождествить подоплеку Истории с нижним бельем фавориток… Не знаю, что лично вы думаете об этих высказываниях… Я же отношусь к ним совершенно равнодушно…»

УДК 94(4)
ББК 84.4 (Фр)

ISBN 978-5-480-00059-7

© Бретон Г., 1954–1965
© Этерна, 1954–1965

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 14
Глава 3 23
Глава 4 32
Глава 5 38
Глава 6 41
Глава 7 46
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Ги Бретон
Эжени флиртовала… Женщины времен Июльской монархии

© В. В. Егоров, перевод, 2018
© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2018

* * *

Мое сердце всегда должно быть кем-то занято.
Наполеон III

Посвящается Франсуа Перье

Я определенно рискую, пытаясь доказать, что первопричиной великих событий обязательно являлись женщины и какая-либо любовная история, зачастую довольно непристойная.

Некоторые суровые или лицемерные критики, возмущенные этим, ядовито замечают, что автор, мол, захотел отождествить подоплеку Истории с нижним бельем фавориток…

«Он слишком озабочен половыми сношениями, слишком уж тяготеет к багатели; это – лесной сатир, глядящий через плечо на грудь Клио…» – пишут одни.

«Он не может прикоснуться к женщине без того, чтобы тут же не задрать ей юбку», – пишут другие.

Не знаю, что лично вы думаете об этих высказываниях… Я же отношусь к ним совершенно равнодушно.

Ибо первая фраза принадлежит Сент-Беву, вторая – Жорж Санд, и обе они адресованы Мишле…

Глава 1
Госпожа Досн подталкивает господина Тьера к власти

Сколь счастлива жизнь, которая начинается с любви и заканчивается честолюбием…
Стендаль

12 августа 1822 года около восьми часов утра на лугу Монмартра двое мужчин с пистолетами в руках стояли друг против друга. Их секунданты держались чуть поодаль.

Один из дуэлянтов был высоким крепким краснолицым мужчиной пятидесяти лет. Бывшего солдата Империи звали господином Боннафу.

Другой – коротышка, в очках, закрывавших пол-лица, выглядел лет на двадцать пять. Звали его Адольф Тьер…

Причиной их ссоры, естественно, явилась женщина. В Эксе, где Адольф Тьер изучал право, он влюбился в мадемуазель Боннафу и даже пообещал на ней жениться. Но потом, переехав в Париж для того, чтобы там сколотить себе состояние, и познакомившись с молодыми женщинами, чье материальное положение вполне могло послужить его честолюбию, он быстро позабыл о юной провинциалке. И тогда господин Боннафу сел в дилижанс и прибыл в Париж, чтобы потребовать от юного Растиньяка[1] выполнения данного им обещания.

Поскольку Адольф заявил, что его положение редактора газеты «Конститюсьонель» не позволяет ему пока обзавестись женой, старый «ворчун»[2] вызвал его на дуэль.

Вот поэтому-то двое мужчин, едва не ставших один зятем, а другой тестем, и встретились утром на той лужайке.

По сигналу одного из секундантов господин Боннафу выстрелил первым, но промахнулся. А Тьер, как хороший игрок, после этого просто послал пулю в воздух. Дуэль закончилась.

В карету Адольф Тьер сел с задумчивым и немного грустным выражением на лице. Он подумал о том, что с этим ударом молнии, прокатившимся в небе Монмартра, безвозвратно ушла его жизнь юного провансальца.

Его кошачьи глазки за овальными стеклами очков заблестели.

– Теперь, друзья мои, – сказал он, – пора завоевывать Париж…

Для того чтобы достичь своей цели, маленький марселец, в чьих жилах текла греческая кровь[3], готов был использовать любые средства, в том числе и те, что могли предоставить женщины[4]. Единственным препятствием в этом была его застенчивость. Приобретенный им любовный опыт не был еще достаточно большим, и он боялся показаться неискушенным тем красавицам-аристократкам, чьей протекции он так хотел добиться. Будучи по натуре дотошным до мелочей (как в учебе, так позднее и в политике), Тьер решил брать уроки у опытных в любви женщин. Приняв такое решение, он стал почти каждый вечер появляться в компании с девицами, чья добродетель была под большим вопросом. Эти нежные милые создания, сами

---

[1] Герой «Человеческой комедии» О. Бальзака. – *Примеч. пер.*

[2] Так называли солдат наполеоновской гвардии. – *Примеч. пер.*

[3] Его дед, Пьер-Луи-Мари Тьер, женился в Константинополе на гречанке по имени Амик.

[4] **Шарль Помаре:** «Господин Тьер – истинный глава государства: Для Тьера… идеальными женщинами – и он ищет таких – являются те, кто может познакомить его с лицами, с которыми он не знаком, достать ему какой-либо документ, сообщить нужные сведения; те, кто может по достоинству оценить его талант, его пыл».

того не подозревая, вложили в руки маленького журналиста оружие, которое он вскоре пустит в ход для завоевания парижских салонов.

Прилежный и смышленый ученик, Адольф Тьер вскоре превзошел своих наставниц. Он сам начал придумывать довольно смелые задачи и решать их с таким мастерством и ловкостью, что смог бы удивить даже самих составителей известной «Камасутры». И лишь только тогда он осмелился начать ухаживать за женщиной из высшего света.

Спеша претворить в жизнь свои планы, он сразу же выбрал для себя очень высокую цель и повел атаки на Доротею Курляндскую, герцогиню де Дино, которая была племянницей и время от времени любовницей Талейрана.

«Она была, – писал Андре Жермен, – на несколько лет старше его; для человека, начинающего в литературе и политике, подобная женщина была чем-то вроде блестящей добровольной повинности»[5].

Естественно, навыки, приобретенные в постелях дам из Пале-Рояля, очень понравились красавице-герцогине. И вот как-то утром, после особенно насыщенной любовью ночи, она отправилась к своему дяде и принялась расхваливать ум маленького провансальца и глубину его политических взглядов.

Старый лис, разумеется, сразу же догадался, какими скрытыми достоинствами журналиста объясняется восторг прекрасной Доротеи. Но, учуяв и то, что этот честолюбивый и неразборчивый в средствах молодой человек мог стать прекрасным орудием в его борьбе за возвращение к власти, бывший министр подавил в себе ревность.

В тот момент, а дело происходило в 1826 году, Талейран тайно готовил свержение Карла X. Подбрасывая идейки журналистам из оппозиционных газет, возбуждая недовольство масс режимом, множа число разочарованных людей, он надеялся раз и навсегда добиться изгнания Бурбонов из Франции.

Маленький Тьер, у которого в руках был такой рупор, как «Конститюсьонель», мог оказать неоценимую услугу. Талейран встретился с ним, легко очаровал и, наконец, с улыбкой произнес:

– Настанет день, мсье Тьер, и вы станете министром… Но для этого нужно, чтобы Пале-Рояль перебрался в Тюильри…

В Пале-Рояле с женой и детьми проживал как простой буржуа Луи-Филипп Орлеанский, сын Филиппа Эгалите. Намек бывшего епископа Отунского был поэтому ясен любому. Для того чтобы смогли осуществиться честолюбивые помыслы Адольфа Тьера, следовало сделать так, чтобы Карл X перестал быть королем и чтобы на трон взошел герцог Орлеанский…

Молодой журналист прекрасно понял, что именно он должен был делать и чего от него ждали.

С этого момента он яростно, ядовито и, следует признать, умно стал критиковать решения, принимавшиеся последовательно менявшимися премьер-министрами Карла X. Его узнали широкие читательские массы, перед ним открылись двери многих салонов, он стал модным полемистом.

В 1829 году, догадавшись, что во время правления монарха, чей приход к власти он исподволь готовил, буржуазия займет главенствующие позиции и постепенно отстранит аристократию от власти, Адольф Тьер решил, что ему следует на всякий случай поскорее заручиться поддержкой представителей этого недоверчивого класса.

И тогда он стал любовником госпожи Досн, жены крупного биржевого маклера, нажившего огромное состояние на спекуляциях земельными участками.

---

[5] **Андре Жермен.** Великие фаворитки 1815–1840 гг.

Защитив себя от нападок правых и центристов этими двумя очаровательными и умными женщинами, маленький Тьер понял, что ему нет никакой необходимости искать себе половину…

Госпожа Досн помогала мужу сколачивать состояние, деля ложе со всеми крупными финансистами того времени.

Она была, что называется, женщиной с головой.

Как прилежная разночинка, она записывала имена своих любовников в специальную книжечку и ежемесячно подводила итоги того, чего она от них смогла добиться. Те из любовников, которые не оказались достаточно полезными, лишались, по выражению ее близких друзей, доступа «к конфетке Софи»…

Молодая женщина давно уже мечтала открыть у себя политический салон и принимать дома государственных деятелей, дипломатов, журналистов. Маленький Тьер, как ей казалось, мог дать ей все это[6].

Правда, она не знала того, что и юный Адольф, гулявший по Парижу в привлекающих всеобщее внимание жилетах и очках, щеголявший своим акцентом и красноречием, не находившим пока применения, очень рассчитывал извлечь выгоду из связи с ней.

Несколько недель они разыгрывали комедию любви. Но Тьер, чей темперамент с годами становился все горячее, исполнял свою роль с таким рвением, таким блеском, такими глубокими изысканиями «в деле доставления удовольствия», что госпожа Досн, восхищенная, очарованная, «урчащая от удовольствия», влюбилась в него всерьез.

– Я сделаю тебя величайшим государственным деятелем Франции, – сказала она ему однажды после того, как он очень хорошо потрудился.

Будущий освободитель страны отблагодарил ее подходящим обстановке жестом…

1 января 1830 года Тьер вместе со своими приятелями Минье, Арманом и Карелли стал содиректором новой оппозиционной газеты «Насьональ», которую финансировал Талейран.

В этой ежедневной газете, выступавшей на стороне герцога Орлеанского, с первых же номеров стали публиковаться статьи, содержавшие яростные нападки на режим. «С первого же номера, – писал Сент-Бев, – газета начала революционную осаду».

Госпожа Досн, естественно, была в восторге:

– Эта газета прославит тебя на всю страну…

Продолжай в том же духе! Нападай на этого короля, который только сидит на троне, а государством не правит. И задай-ка взбучку Полиньяку, чье пребывание на посту министра является оскорблением всех и вся в нашей стране[7].

Неловкая политика Карла X неожиданно помогла Софи подтолкнуть своего любовника к власти.

26 июля 1830 года в газете «Монитер» были опубликованы известные королевские указы, временно отменяющие свободу прессы. Все оппозиционные газеты тут же дружно выступили против указов. Узнав об этом, Софи воскликнула:

---

[6] **Шарль Помаре** писал: «Когда Тьер познакомился с Софи, она была замужем лет этак четырнадцать-пятнадцать. Женщина низкого происхождения, не завидовавшая знати, она обладала здравым смыслом и имела определенные политические амбиции. Будучи либералкой, она быстро нашла общий язык с молодым южанином, который тяготел к карбонариям. Ее гений, ее удача? Нет, просто она смогла предугадать будущность маленького журналиста, увидеть в этом скачущем существе исключительно глубокую личность. И она помогла ему “пойти в гору”. Она вцепилась в него мертвой хваткой, она стала его доверенным лицом, его свидетелем, его секретарем».

[7] Мать Полиньяка была подругой Марии-Антуанетты, а самого его обожал король Карл X, называвший его по-свойски Жюлем. Дело все было в том, что когда Карл X был еще графом д’Артуа, он являлся любовником «Гишетки» – очаровательной герцогини де Гиш, сестры своего министра.

– Адольф, пришло время действовать! Лети скорее к себе в редакцию и возглавь борьбу: говори, кричи, требуй, делай все, чтобы все видели и слышали только тебя одного… И тогда ты выиграешь.

Тьер помчался в «Насьональ», редакция которого находилась на улице Св. Марка, протиснулся сквозь толпу собратьев по перу, обсуждавших, что им следует предпринять, кого-то толкнул, кого-то лягнул, закричал громче других, влез на стол и произнес речь и в конце концов получил от собравшихся задание сочинить текст протеста.

Ему дали большой лист бумаги, и он дрожащей рукой написал на нем то, что много раз говорил своей любовнице во время бесконечных бесед на политические темы после изнурительных занятий любовью. И первым поставил свою подпись.

«В этот самый момент, – отметил Морис Реклю, – он входил в историю. А выйти из нее ему суждено было спустя сорок семь лет, причем через парадную дверь».

27 июля, продолжая находиться в состоянии возбуждения стараниями госпожи Досн, Тьер собрал в салоне газеты «Насьональ» многочисленную группу избирателей, а затем увлек их к Казимиру Перье, «чтобы попытаться призвать парламент к действию». После чего он снова вернулся в редакцию газеты, написал яростный призыв к населению взяться за оружие и отправился спать. А в это время в Пале-Рояле и на площади Победы раздались первые выстрелы.

Наутро 28 июля главные улицы столицы были перегорожены баррикадами, над которыми развевались трехцветные флаги. В это прекрасное летнее утро ожидалось прибытие в Париж королевской гвардии. Когда гвардейцы вступили в город, на их головы полетело все, что было у парижан под рукой: булыжники мостовой, кирпичи, предметы мебели, бутылки… Затем началась стрельба. Спустя полчаса разгорелись ожесточенные бои на улице Сен-Антуан, на площади Бастилии, в районе Мадлен, перед городской ратушей и у ворот Сен-Дени. «Ружейные выстрелы, стоны раненых, вопли женщин, барабанная дробь, призывные крики, – писал Мишле, – были апофеозом этого гимна, наспех сочиненного народом на слова, которые ему не надо было подсказывать: “Да здравствует Хартия! Долой ордонансы! Долой Бурбонов!”».

Послушав из-за закрытых ставней этот тревожный гул, Адольф удовлетворенно потер руки и закрылся в своем рабочем кабинете. Он просидел там весь день. А в это время парижане и военные убивали друг друга.

Вечером маленький Тьер вздрогнул от выстрела орудия. Глазки его беспокойно забегали за огромными стеклами очков, голова почти полностью вжалась в плечи, а лицо скрылось за огромным галстуком – он услышал отзвуки революции, разгореться которой он же и помог. И эти отзвуки нагоняли на него страх.

В десять часов вечера Руайе-Коллар сообщил ему, что оставаться в столице стало небезопасно. До смерти перепуганный пламенный трибун быстро собрал чемодан, надвинул на глаза шляпу, вскочил в фиакр и велел гнать в направлении Понтуаза.

В Бессанкуре он сделал остановку, чтобы немного передохнуть на постоялом дворе.

Но едва он лег в постель, как на лестнице послышался сильный шум. Натянув простыни к подбородку, бедный Адольф задрожал от страха, но тут услышал, как знакомый голос за дверью произнес:

– Мсье Тьер! Проснитесь!..

Это был его слуга, которого послали вдогонку друзья Тьера, чтобы сообщить маленькому журналисту, что успех революции был несомненен и что опасаться больше было нечего.

Тьер мгновенно преобразился. Нахмурив брови, он сделал устрашающее лицо:

– Мы немедленно возвращаемся в Париж и поможем этим героям!

29-го, на заре, он прибыл в столицу. Как раз в момент триумфа восставшего народа: Тюильри был взят, королевская гвардия сложила оружие, над городской ратушей реял на ветру трехцветный стяг.

Маленький человек велел ехать к госпоже Досн. Та слегка пожурила его за то, что он сбежал из Парижа в тот самый момент, когда власть была у него почти в руках.

– Теперь отправляйтесь к Лафитту. Все будет решаться там.

Тьер помчался к банкиру, в доме которого собрались все лидеры оппозиции для того, чтобы решить, что делать дальше. Кто-то предложил вступить в переговоры с Карлом X, находившимся в своей летней резиденции Сен-Клу.

Адольф яростно выступил против этого:

– Хватит с нас Бурбонов! – закричал он.

Затем, схватив за руку своего приятеля Минье, он понесся в типографию газеты «Насьональ» и быстро написал прокламацию в поддержку герцога Орлеанского:

«Карл X больше никогда не должен возвратиться в Париж, где он пролил кровь своего народа. Республика принесет нам многочисленные беды и рассорит со всей Европой. Герцог Орлеанский был под Жеммапом. Герцог Орлеанский шел в огонь под трехцветным знаменем, и только он один может еще носить эти цвета. Никого другого нам не надо. Герцог Орлеанский уже определил свою позицию: он принимает Хартию, чего мы всегда хотели. Он получит корону из рук французского народа».

Когда эту прокламацию уже запускали под пресс, Минье выразил сомнение:

– Все это прекрасно, но мы не предупредили самого герцога Орлеанского.

Тогда Тьер изменил последние две фразы:

«Герцог Орлеанский не определил свою позицию: он ждет, когда мы выскажем ему свои пожелания».

На другой день, 30 июля, эти прокламации были расклеены по всему Парижу. И пока зеваки с некоторым удивлением читали ее, господин Тьер, надев белые чулки, туфли и свою большую шляпу, сел на пони, позаимствованного у сына маршала Нея, и после многочисленных происшествий приехал в замок Нейли, летнюю резиденцию герцога Орлеанского.

Его приняли герцогиня Мари-Амелия и сестра Луи-Филиппа мадам Аделаида.

– Его королевского Высочества нет дома.

Марселец, отчаянно жестикулируя, стал объяснять, что должен непременно увидеться с герцогом, и как можно скорее. Мадам Аделаида слегка замялась. Ей было непросто объяснить, что братец ее, едва заслышав первые выстрелы, поспешил укрыться у одного знакомого лесничего в Ренси.

– А в чем, собственно, дело? – спросила она.

Тьер знал, что мадам Аделаида имела очень большое влияние на принца.

– Палата депутатов, – сказал он, – решила назначить герцога Орлеанского главнокомандующим войсками королевства. Надо, чтобы Его королевское Высочество немедленно прибыли в Париж.

Изумленные женщины и не подумали спросить у господина Тьера, кем он был послан к представителю младшей ветви династии и кто именно направил его в Нейли. Счастливая забывчивость! Ведь маленькому журналисту было бы очень трудно признаться в том, что инициатором его поездки была всего лишь госпожа Досн…

Вечером того же дня герцог Орлеанский вернулся в Пале-Рояль.

А 9 августа он стал королем Франции…[8]

[8] 2 августа Карл X отрекся в пользу своего внука, герцога Бордосского, поскольку его сыну, герцогу Ангулемскому, который не мог иметь потомства, пришлось в тот же день тоже отречься от трона. Таким образом, королем Генрихом V на малый срок

Преисполненная радости госпожа Досн расцеловала своего маленького Тьера.

Уж теперь-то у нее будет превосходный и самый известный политический салон в Париже…

Спустя три недели после революционного праздника «Трех храбрецов» парижане, изгнавшие последнего представителя рода Бурбонов и развесившие повсюду трехцветные флаги, перестали интересоваться политикой[9].

И пока маленький Тьер, получивший пост генерального секретаря министерства финансов, старался стать министром и добивался назначения господина Досна, мужа своей любовницы, главным казначеем министерства, все жители улицы пели, танцевали, объедались мороженым и проявляли громадный интерес ко всяческим сплетням. К тому же парижанам представился случай посмеяться над одной забавной историей.

25 августа, в День святого Людовика, жена одного адвоката по фамилии Бодез устроила небольшой прием. «Нельзя не похвалить эту даму за желание отпраздновать день ангела своего мужа, – пишет поведавшая об этой истории госпожа Васси. – Но увы! Она была большой проказницей и надумала пригласить на праздник в честь мужа и своего любовника, молодого биржевого маклера. Эта ее затея явилась причиной ужасного скандала»[10].

Во время приема мэтр Бодез предложил гостям посмотреть его коллекцию механических игрушек. Все с радостью согласились.

– Некоторые из них, – сказал он с гордостью, – очень похожи на те создания, что сотворила сама природа.

Госпожа Бодез заявила, что останется в салоне для того, чтобы приготовить новые прохладительные напитки.

– Я вам помогу, – заявил галантный маклер.

«И вот все гости пошли за адвокатом. Целый час мэтр Бодез демонстрировал восхищенным гостям, как работают его механические игрушки: клюющая зерно курица, поющие птицы, куклы, танцующие медленный танец, бегущие собаки, игроки в шахматы».

– Но это – пустяки, – сказал адвокат, откашлявшись. – Пойдемте, я покажу вам мою самую прекрасную механическую игрушку, чьи движения доведены до совершенства.

Подведя гостей к маленькому будуару, он толкнул дверь:

– Смотрите же!

Наступила гнетущая тишина. Зрелище, открывшееся взорам пораженных гостей, было вовсе не тем, на которое рассчитывал адвокат. На канапе лежала пара, совершавшая «очень естественные движения». Но это были не механические игрушки, а госпожа Бодез и маклер, решившие доказать друг другу свое расположение.

Кончилось все тем, что мэтр Бодез крепко выругался, вернув тем самым любовников к реальности. И начался концерт, сопровождаемый дикими воплями, потоками слез, отчаянной беготней к разбросанным по всей комнате предметам одежды…

Вечер был испорчен…

Эта история достигла ушей короля, и он очень долго над ней смеялся. Потому что Луи-Филипп обожал разные альковные истории и каждое утро министр внутренних дел вручал ему составленную Тайной канцелярией сводку об интимной жизни Парижа.

Так он вскоре узнал все мельчайшие подробности любовной связи господина Тьера и госпожи Досн.

стал последний представитель старшей ветви королевской династии, сын герцогини Беррийской…

[9] Карл X отплыл в Англию из Шербура 16 августа. Ему суждено было умереть в 1836 году в итальянском городе Гориц.

[10] Госпожа де Васси. Исподнее Июльской монархии.

Так он узнал, в частности – и был очень доволен этим, – что господин Тьер любил расхаживать совершенно голым перед лежавшей в постели любовницей и в этом одеянии Адама импровизировал, произнося совершенно серьезные речи на важнейшие политические темы.

Это его поведение очень забавляло госпожу Досн, обожавшую контрасты.

Произнеся несколько речей в стиле Лафитта, барона Луи, господ Броглио, Дюпона де Лера, Моле и Казимира Перье, пылкий Адольф снова нырял в постель и с яростью набрасывался на довольную красотку Софи…

После чего, обессиленные и изможденные, они заводили разговор о будущем монархии…

– Она сделает его министром, – сказал однажды Луи-Филипп своему премьеру Гизо.

– Этого вульгарного коротышку? Никогда!

– Вот увидите… Народу нравятся фривольные паяцы…

И король расхохотался… От альковных историй короля на некоторое время отвлек разразившийся в Париже скандал.

Глава 2
Принц Конде становится жертвой эротических развлечений

Погоня за сладострастием доставляет порой много неприятностей…
Жан Шоке

Ранним утром 27 августа 1830 года в замке Сен-Ле, служившем летней резиденцией Его Высочества герцога Бурбона, последнего представителя этого рода, стояла тишина.

Хозяин замка еще не дал знать челяди о своем августейшем пробуждении. Его любовница баронесса де Фешер спала, а некий жандармский унтер-офицер, чьими услугами эта дама тайно пользовалась по ночам, уже отправился к себе в деревню, проведя в замке ночь, которая была «очень насыщенной», по мнению слуг, знавших всю подноготную жизни своих хозяев…

В восемь часов утра камердинер принца Лекомт постучал в дверь спальни хозяина замка. Не имея никаких честолюбивых устремлений, он просто хотел войти в комнату, а получилось так, что он вошел в историю…

Не услышав ответа, Лекомт подумал, что госпожа де Фешер сильно утомила Его Высочество, которому было уже семьдесят три года. И камердинер удалился.

В девять часов он снова был у двери и снова постучал. Результат был таким же, как и в первый раз. Это его заинтриговало, и он осторожно повернул ручку двери, но та не поддавалась, поскольку дверь была заперта изнутри.

На сей раз Лекомт встревожился, ибо герцог Бурбон не имел привычки запираться в своей спальне. Камердинер обернулся к подошедшему доктору Бонни, явившемуся как всегда, чтобы провести утренний осмотр старого принца.

– Что вы на это скажете?

Врач не стал скрывать своего беспокойства:

– Опасаюсь самого худшего, – сказал он. – Надо немедленно предупредить мадам де Фешер.

И мужчины поспешили на первый этаж, где находились покои баронессы. Она была еще в постели, поэтому камердинеру и врачу пришлось объяснять причины своего беспокойства через дверь.

– Я немедленно поднимусь к нему, – крикнула она в ответ. – Когда он услышит мой голос, то немедленно отзовется!

Она вышла из комнаты не совсем одетой. Поднимаясь по лестнице, она добавила:

– Если принц не ответит, нам придется взломать дверь. У него мог случиться приступ… Но ничего, кровопускание быстро поставит его на ноги!

Подойдя к двери любовника, она крикнула:

– Монсеньор!.. Откройте, монсеньор!.. Отоприте же!.. Это я, монсеньор!..

Поскольку никто не отвечал, она обратилась к Лекомту:

– Скорее позовите кого-нибудь! Надо взломать дверь! Пошлите за Манобу и скажите ему, чтобы захватил с собой необходимый инструмент, что-нибудь вроде тарана…

Через несколько секунд начальник стражи замка высадил тяжелым молотом одну из створок двери…

Баронесса и трое мужчин вошли в комнату. При свете свечи, догоравшей рядом с пустой кроватью, они увидели герцога, прислонившегося к внутренним ставням. Он был неподвижен и стоял в позе человека, который к чему-то прислушивается. Доктор Бонни бросился к нему и

вскрикнул: герцог Бурбон, отец герцога Энгиенского, последний из рода Конде, висел на двух связанных носовых платках, прикрепленных к шпингалету…

Убийство или самоубийство?

Все говорило в пользу второй версии: и запертая изнутри дверь, и порядок в комнате, и отсутствие на теле принца каких бы то ни было следов насилия…

Однако доктор Бонни не верил в самоубийство по многим причинам. «Чтобы повеситься, – гласит поговорка, – надо надеть на шею петлю». А этого-то герцог сделать как раз и не мог, поскольку перелом ключицы не позволял ему поднять левую руку. Кроме того, со времен битвы при Бернштайне, то есть с 1795 года, когда он потерял три пальца, принц с трудом владел и правой рукой. Как же он смог сделать такой мудреный узел, которым были связаны платки?

И потом, герцог Бурбон всегда считал самоубийство не только большим грехом, но и преступлением. За двенадцать дней до смерти он сказал своему дантисту Оштайну:

– Только трус может убить самого себя!

Что же из всего этого следовало?

Пока доктор Бонни размышлял над этим, госпожа де Фешер, упав в кресло и стараясь соблюсти все условности, стала картинно заламывать руки и испускать горестные стоны. Вдруг, издав самый душераздирающий стон, она произнесла:

– О, как хорошо, что принц умер такой смертью! Если бы он умер в своей постели, все-непременно подумали бы, что это я его отравила…

Доктора сильно удивили эти слова. Однако он промолчал, продолжая осмотр тела Его Высочества, все еще висевшего у окна. Его поразила одна любопытная деталь: ноги повешенного не были оторваны от пола, а касались ковра…

Странное самоубийство![11]

К одиннадцати часам утра о печальном открытии доктора Бонни и Лекомта доложили королю. Взволнованный монарх направил в Сен-Ле председателя палаты пэров барона Паскье.

Во второй половине того же дня, лично проведя расследование, Паскье направил королю официальную записку. Вот ее содержание:

«Обстоятельства смерти настолько необычны, что требуют проведения очень глубокого расследования, и я полагаю, что Его Величеству было бы нелишне немедленно прислать сюда двух врачей, а именно доктора Марка и доктора Маржолена, имеющих опыт проведения осмотров, который требуется в данном несчастном случае».

Что же касается полковника Рюминьи, начальника личной охраны, не переставшего напоминать об увечьях покойного, 7 сентября президиумом суда города Понтуаза было вынесено следующее постановление:

«Из собранной информации становится совершенно очевидно, что смерть принца Конде была добровольной и явилась следствием самоубийства. При этих условиях правосудие не испытывает необходимости в сборе дополнительных сведений, равно как и в судебном преследовании кого бы то ни было. Посему суд постановляет: признать расследование исчерпывающим и считать дело закрытым».

Выводы, сделанные судом, повергли в недоумение всех здравомыслящих людей. Стал распространяться слух о том, что «кое-кого хотят спасти от наказания»… Имени не назвали, но всем было ясно, что речь идет о госпоже де Фешер.

---

[11] Да и сам самоубийца был тоже странным. Как отметил аббат Пелье де Лакруа, духовник Его Высочества, который был в комнате принца утром 27 августа 1830 года: «Сразу после того, как принц коснулся бы ногами пола вследствие растяжения связок и в этом положении вес тела стал бы опираться на ноги, петля, ослабнув, оказалась бы бесполезной (поскольку удавки, как таковой, не было) и странгуляция не могла бы иметь место». Следовательно, для того, чтобы удавиться, принцу надо было проявить сверхчеловеческую волю и налечь всем телом на петлю, чтобы добиться полного удушения…

15 сентября появилась анонимная брошюра с очень вызывающим заглавием: «Обращение к общественному мнению по поводу смерти Луи-Анри-Жозефа Бурбона, принца Конде»[12].

В ней баронесса открыто обвинялась в убийстве своего любовника. Кроме того, отдельные фразы брошюры намекали на то, что за ее спиной стоял сам король…

Эта брошюра вызвала широкий резонанс, и люди стали интересоваться, кто же такая эта госпожа де Фешер…

И вскоре все узнали, что собой представляла эта сомнительная особа.

Эта элегантная женщина, бывшая на тридцать два года моложе своего любовника, была англичанкой с довольно бурным прошлым и вела образ жизни отнюдь не послушницы монастыря.

Дочь рыбака с острова Уайт, Софи Дэйвз, так ее звали, в пятнадцать лет уехала в Лондон с намерением стать актрисой. После нескольких неудачных попыток и проб на сцене Ковент-Гардена она решила «посвятить себя свободной любви».

Герцог Бурбон встретился с ней в Лондоне в 1811 году, когда она, как говорили, «злоупотребляла чарами, дарованными ей Провидением»…

Следует сказать, что Его Высочество посещал не только салоны лондонской аристократии. «Каждый вечер, – пишет доктор Лебопен, – после ужина в скромном “Шоп Хаузе” он отправлялся в театр в те часы, когда билеты на спектакль стоили половину цены. По окончании представления он выходил из театра в компании одной-двух девок, с которыми отправлялся ужинать в какой-либо кабак, сочетая таким образом свое беспутное поведение со скаредностью»[13].

С Софи Дэйвз Его Высочество познакомился в одном из домов свиданий на Пикадилли. Очарованный «ее нахальными голубыми глазами, пылким темпераментом и пристрастием к безделушкам», Луи Бурбон поселил девицу в своем лондонском доме.

Вскоре молодая женщина стала главным «организатором удовольствий и развлечений принца Конде». При активном участии нескольких своих приятельниц по сералю она стала «художественным руководителем» довольно смелых эротических постановок. Каждая из подготовленных ею «сцен» имела свое название. В «Ласковой собаке» совершенно голый принц Конде должен был перед шестью обнаженными женщинами демонстрировать «радость пса по случаю встречи с хозяйкой». В «Гасительнице свечей» Софи и ее подружки делали вид, что задувают свечу принца самыми изощренными способами. В «сцене» под названием «Помилосердствуйте!» принц должен был вложить свое «подаяние» в раскрытые «кошельки» каждой из своих юных почитательниц. Назовем еще сцену «Пчелы, собирающие мед», в которой принц, лежа, естественно голым, на широкой кровати, изображал из себя бутон розы, а шесть самых опытных и темпераментных очаровательных гетер играли пчел, вьющихся вокруг цветка. Под лившиеся из музыкальной шкатулки звуки менуэта они не спеша снимали с себя одежды, медленно кружась вокруг ложа, на котором ожидал их принц Конде. Когда музыка замолкала, девицы набрасывались на свою добычу, доставляя принцу, по рассказам, «тысячу наслаждений».

Софи, прекрасно зная не только сомнительные места Лондона, но и местонахождение многочисленных книжных лавок и библиотек, составила для Его Высочества целую коллекцию редких по своему бесстыдству книг и гравюр[14]. И вечера их стали еще более эмоциональными…

---

[12] Автором брошюры являлся Лафон д’Оссон.

[13] **Доктор Альфред Лебопен.** Ле Плесси-Вильет и смерть герцога Бурбонского. «Медицинская хроника» от 1 июня 1919 г.

[14] Принц Конде привез эти скабрезные произведения в Сен-Ле, как свидетельствует канцлер Паскье, обнаруживший во время обыска в замке «две-три книжонки, названия которых стыдно даже произнести». Кретино-Жоли в своей работе «Исто-

Когда наступила Реставрация[15], принц Конде, полагая, что порвать связь с Софи дело простое, покинул Лондон и вернулся во Францию. А через две недели в Париже появилась и молодая женщина.

Хотя это и вызвало большое неудовольствие принца, но он вынужден был встретиться с ней. Произнеся несколько дежурных любезностей, он, как рассказывают, попытался укрыться «за лицемерием Сен-Жерменского предместья».

– Мне бы очень хотелось, чтобы вы остались со мной. Но ваше присутствие здесь может при вести к скандалу…

Англичанка улыбнулась:

– А если вы выдадите меня за вашу внебрачную дочь?

По правде говоря, принц Конде после отъезда из Лондона очень скучал по шикарному телу Софи. При мысли о том, что безумные ночи могут начаться вновь, он даже покраснел от удовольствия:

– Великолепная мысль! Но для того, чтобы избежать сплетен, я должен выдать вас замуж.

И Его Высочество принялся подыскивать для Софи снисходительного мужа. Он остановил свой выбор на Андриане де Фешере, командире батальона королевской гвардии, которому услужливый Людовик XV незамедлительно присвоил баронский титул.

Свадьба состоялась в Лондоне 6 августа 1818 года. После свадьбы молодожены поселились в принадлежавшем принцу Конде дворце Пале-Бурбон.

Спустя несколько недель принц Конде сделал хитроумный шаг: он назначил Фешера своим камергером.

– Теперь-то он сможет жить почти рядом со своею женой, – говорили люди, подмигивая друг другу.

Но вот однажды какая-то добрая душа открыла Фешеру глаза на поведение его жены. Разъяренный от того, что его одурачили с женитьбой и обесчестили, несчастный муж отправился выяснять отношения с принцем. Выслушав рогоносца, Его Высочество пожал плечами:

– Не верьте всему этому, дорогой Фешер.

Это люди злословят от зависти… Такова обратная сторона успеха. Вам просто завидуют, что вы – мой друг!..

Но Фешер, не удовлетворенный таким объяснением, предпочел разорвать семейные узы. Баронесса немедленно переселилась к принцу, сохранившему в свои шестьдесят пять лет еще достаточно любовного пыла. И тогда ежедневно, а вернее, еженощно стали разворачиваться любовные игры, которые дали достаточно пищи для разговоров изумленной и восхищенной челяди принца. В 1824 году благодарный Луи Бурбон составил завещание, в котором передавал Софи богатые поместья Сен-Ле и Буасси…

С той самой поры, как утверждали злые языки, госпожа де Фешер стала жить «в нетерпеливом ожидании кончины Его Высочества». Но смерть явно не спешила в гости к принцу, несмотря на страстное желание его любовницы. И поэтому прошел слух, что госпожа де Фешер ускорила ее визит в ту ночь с 26 на 27 августа, подвесив принца к шпингалету у окна его спальни.

Получалось, что главной причиной преступления было всего-навсего с трудом сдерживаемое нетерпение.

рия трех последних принцев из рода Конде» менее сдержан в оценках: «Сколько постыдных книг, сколь ко бесстыдных гравюр, сколько отвратительно-грязных картин было обнаружено в домах, принадлежавших покойному принцу! – пишет он. – Эти развратные книги и гравюры предназначались не только для того, чтобы доставлять тайную радость принцу. Госпожа де Фешер тоже принимала, и несомненно самое активное, участие в этом печальном “празднике” глаз и пресыщенных сердец».

[15] Период истории Франции с 1812 по 1830 год, когда страной после перерыва, вызванного годами Революции, Директории, Консульства и Империи Наполеона I, вновь правила королевская династия Бурбонов. – *Примеч. пер.*

Такова была первая версия.

Но вскоре всем стало ясно, что дело это было не столь уж простым, как казалось на первый взгляд, и что в этом зловещем преступлении был замешан еще и Луи-Филипп.

Каким же образом бывшая лондонская проститутка смогла войти в контакт с королем Франции и сделать его своим сообщником?

Об этом сообщила ошеломленным читателям брошюра, изданная в 1848 году.

В 1827 году баронесса де Фешер, опасаясь, как бы написанное в ее пользу завещание не было оспорено законными наследниками принца Конде, стала подыскивать себе влиятельного сообщника. Она остановила свой выбор на герцоге Орлеанском, который, как она знала, отличался неумеренной любовью к деньгам.

План ее был прост, но свидетельствовал о редком чувстве политической интриги: она решила уговорить принца Конде, владевшего одним из самых крупных состояний во Франции, завещать все свое богатство герцогу д'Омалю, сыну герцога Орлеанского, с тем условием, что последний согласится признать ее права на ту часть владений, которая была завещана ей принцем.

Таким образом, ее доля в наследстве становилась в некотором роде комиссионными за то, что она провернет такое выгодное дельце в пользу семьи герцога Орлеанского.

Для начала она изложила свой план Талейрану. Бывший министр иностранных дел был, надо полагать, восхищен дьявольской задумкой баронессы и обещал помочь.

– Приходите ко мне в пятницу, – сказал он. – Я представлю вас герцогу Орлеанскому. Смею заверить, что очень скоро вы с ним подружитесь.

Талейран не ошибся. Распираемый радостью при мысли о том, что огромное состояние принца Конде может достаться его сыну, будущий Луи-Филипп повел себя в отношении госпожи де Фешер необычайно галантно и пригласил ее в Пале-Рояль.

И бывшая лондонская продажная девка вскоре стала близким другом семьи герцога Орлеанского.

В Пале-Рояле ее осыпали ласками, угощали сладостями, наговорили массу комплиментов по поводу ее туалетов. А Мария-Амелия даже посылала ей письма, о тоне которых можно судить по следующему отрывку одного из этих писем:

«Меня очень тронуло, дорогая моя, то, что Вы поведали мне о Ваших хлопотах… Уверяю Вас, я этого никогда не забуду… Всегда и при любых обстоятельствах Вы и Ваши близкие найдете у нас ту поддержку, о которой Вы соизволили меня попросить. А признательность матери послужит Вам наилучшей гарантией».

Когда баронессе нездоровилось, в Пале-Рояле наступала настоящая паника. Будущий король Франции с растрепанными волосами и нечесаными бакенбардами мчался в Пале-Бурбон. Однажды из-за хлопот баронессы Луи-Филипп попал в очень смешное положение. Вот что пишет по этому поводу граф де Вильмар:

«Когда доложили о прибытии герцога Орлеанского, госпожа де Фешер принимала ванну в одном из тех знаменитых кресел-купелей, гениальных творений известного Лезажа, представляющих собой комбинацию механики и столярного дела. Баронесса выскочила из этой полуванны и бросилась в постель, но в спешке забыла опустить крышку ванны, которая служила сиденьем кресла. Этот модный в то время предмет меблировки стоял совсем рядом с кроватью баронессы. Луи-Филипп, обрадованный тем, что Софи приняла его сразу же, увидел это, как он решил, специально приготовленное для него кресло и немедленно уселся на него. И к своему большому, надо полагать, удивлению оказался в воде…

Попытки выбраться из этой водяной западни оказались безрезультатными.

Глядя на эту комическую сцену, госпожа де Фешер, позабыв о всяком почтении к Его Высочеству, чуть не задохнулась от смеха… Однако ей вскоре стало жаль гостя, попавшего в столь затруднительное положение, и она предложила позвать кого-либо из слуг, чтобы тот помог герцогу освободиться. Поскольку было ясно, что сам он из ванны выбраться не сможет в силу чрезмерных размеров нижней части его тела.

Луи-Филипп стал умолять ее не делать этого, ибо опасался, что слуга, которого она позовет, чтобы помочь вытащить его из ванны, непременно расскажет об этом своим приятелям в Пале-Бурбон, а те в свою очередь начнут болтать об этом на улице, и это несомненно вызовет тысячу насмешек в его адрес.

Он снова предпринял отчаянную, но безуспешную попытку обрести свободу. Эти усилия заметно повлияли на качество его прически, что еще больше развеселило больную. Наконец, она предложила позвать свою камеристку, девицу, по словам баронессы очень надежную и умеющую держать язык за зубами.

Луи-Филипп согласился. Мадемуазель Роза очень ловко помогла ему выбраться из «осады», в которой без ее вмешательства он просидел бы бесконечно долго. Намного дольше, чем его предок – регент Луи-Филипп Орлеанский при осаде Лерида в 1707 году»[16].

Пока в Пале-Рояле переживали и нервничали, госпожа де Фешер делала все, чтобы заставить своего любовника составить завещание в пользу герцога д'Омаля. Но принц Конде, ненавидевший потомков Филиппа Эгалите, упорно отказывался это делать. И тогда баронесса переменила тактику. Она перестала быть нежной, предупредительной, заискивающей и стала резкой и агрессивной, сделав жизнь несчастного старика просто невыносимой. Когда он входил в ее комнату для того, чтобы удовлетворить свою страсть или просто поцеловать ее, она говорила:

– Сначала подпишите завещание!

Время от времени она даже поколачивала его. Случалось, по вечерам слуга принца Лебон слышал, как его хозяин плакал в своей комнате, повторяя:

– Неблагодарная мерзавка!

Однажды принцу нанес внезапный визит барон де Сюрваль. Он с удивлением смотрел на распухшее лицо и кровоточащий нос последнего из рода Конде.

– Видите, что она со мной сделала? – сказал принц. Барон посоветовал принцу категорически отказаться подписывать завещание. Принц потупился:

– Она пригрозила уйти от меня!..

– Ну так что ж! Пусть уходит!

Но у последнего Конде в глазах появились слезы:

– Я не могу этого допустить, – прошептал он. – Вам не понять, сколь сильны привычка и привязанность, которые я не в силах преодолеть…

Сцены и скандалы между баронессой и ее престарелым любовником повторялись из недели в неделю. И принц Конде сдался: герцог д'Омаль стал наследником всего его огромного состояния за вычетом двенадцати миллионов франков, завещанных Софи….

В тот вечер в Пале-Рояле состоялось торжество…

Спустя несколько месяцев герцог Орлеанский взошел на французский трон. И сразу же принц Конде стал тайно готовиться покинуть Францию с тем, чтобы присоединиться к находившемуся в изгнании в Швейцарии Карлу X. Он уже затребовал паспорт и получил от своего банкира миллион франков ассигнациями.

Софи случайно узнала о его приготовлениях. И в отчаянии примчалась в Тюильри. Услышав о том, что принц Конде вознамерился выехать из Франции, Луи-Филипп смертельно побледнел:

---

[16] **Граф А.-Р. де Вильмар.** Монсеньор герцог Орлеанский.

– Я знаю, – сказал он, – что принц получил от Карла X письмо, в котором тот уговаривает вашего друга составить новое завещание в пользу маленького герцога Бордосского. Если он уедет, то ускользнет из-под нашего влияния и мой сын лишится наследства. Ему надо помешать уехать. Любой ценой!

Этот разговор состоялся 25 августа 1830 года.

А 27 августа принца нашли повешенным на шпингалете окна его спальни. Спустя еще несколько дней следователь по уголовным делам господин де ла Юпуайе, утверждавший, что смерть принца была следствием убийства, был отстранен от ведения дела…

И пошли слухи о том, что принц Конде был убит госпожой де Фешер **по просьбе короля Луи-Филиппа.**

Такова была вторая версия.

Но потом было дано третье, очень фривольное объяснение загадочной кончины последнего представителя рода Конде…

В один прекрасный день по Парижу разнесся слух о том, что некоторые слуги из дворца Сен-Ле сделали невероятные признания по поводу драмы, произошедшей там 27 августа.

Женщины из Сен-Жерменского предместья, заливаясь краской смущения, принялись вполголоса рассказывать такие вещи, от которых слушательницы повизгивали, словно их, как выразился барон де Тьель, «щекотали в одном месте».

Так о чем же проболтались лакеи принца Конде?

Они сообщили поистине удивительные подробности. По их словам, принц стал жертвой собственной похотливости. Вот что поведали слуги принца:

«Наш хозяин вот уже несколько последних месяцев никак не мог продемонстрировать свой пыл госпоже де Фешер, и той приходилось прибегать к различным приемам и уловкам, которыми пользуются девицы легкого поведения.

Увы! Ее возбуждающие ласки со временем перестали оказывать должное действие, и баронессе для того, чтобы привести Его Высочество в дееспособное состояние, пришлось искать другие средства.

Госпожа де Фешер вспомнила, что на ее родине, где высшей мерой наказания была смертная казнь через повешение, рассказывали весьма пикантные подробности о последних минутах жизни приговоренных к смерти людей. Некоторые посетители сераля, в котором она работала, утверждали, что удушение вызывало определенную физиологическую реакцию организма, позволявшую повешенным проявлять себя во всей мужской красе и, перед тем как отдать Богу душу, познать радость «наслаждения»…

И она решила использовать это средство для того, чтобы пробудить уснувшие чувства своего любовника.

Каждый вечер она приходила в его комнату и подвешивала его там на некоторое время. Когда эта маленькая казнь давала свои результаты, она быстро отвязывала принца и «проявляла о нем сладостную заботу»…

Увы! В ночь на 27 августа госпожа де Фешер высвободила принца из петли чуть позже, чем следовало…

Перепугавшись, она вернулась к себе в комнату, где ее ждал молодой любовник, жандармский офицер, и они вдвоем организовали мизансцену, которая должна была внушить всем версию самоубийства.

После чего она попросила Луи-Филиппа распорядиться, «чтобы правосудие не было слишком уж проницательным». Монарх, многим обязанный баронессе, уступил ее просьбе…

Эти сведения, так поразившие добрых людей, были подтверждены спустя восемнадцать лет после событий февраля 1848 года в одной брошюре под названием «Революционные портреты». Ее автор, Виктор Бутон, писал:

«Герцог Бурбон был повешен. Его старческие привычки сделали это преступление совсем простым делом: госпоже де Фешер, чтобы убить его, не надо было прилагать особых усилий. Герцог пристрастился к одному из странных способов получения наслаждения, развратному с точки зрения морали, но совершенно естественному (sic) для людей, которым уже за шестьдесят. То утонченное наслаждение, которое баронесса давала ему возможность испытывать при совершении этого похотливого деяния, и было в основе их давней продолжительной связи. Я хотел объяснить это все при помощи метафоры, но у меня не поворачивается язык. И все же я должен объяснить вам все. Я имею в виду то, что герцог любил испытывать на себе что-то вроде “процедуры” повешения, когда ноги его были всего в нескольких сантиметрах от табурета или когда он почти доставал ими до пола, и в таком положении госпожа де Фешер давала ему познать радости сладострастия.

Однажды баронесса отодвинула табурет всего лишь на несколько сантиметров дальше, и герцог оказался по-настоящему повешенным. Вот почему все произошло без малейшего шума, почему не были позваны слуги и т. д. Все политические аспекты свелись только лишь к спорам о наследстве. Я могу сказать, что желание вернуться в свет явилось причиной того, что в этот раз баронесса отодвинула табурет чуточку дальше, чем обычно. Ибо пока был жив герцог, баронесса не имела возможности жить светской жизнью, поскольку была содержанкой герцога. А после его смерти она вновь становилась баронессой де Фешер, которую никто ни в чем не мог упрекнуть. Но возможно ли предположить, что Луи-Филипп знал о намерениях баронессы и что согласился с ее планом убийства? Нет, такое предположение не выдерживает никакой критики!»

Позднее в своем произведении «Шпингалет Сен-Ле» тот же самый Виктор Бутон пишет:

«Господин Жиске, бывший префект полиции, дал, на мой взгляд, наиболее близкое к истине объяснение этой насильственной… и сладкой смерти. И я считаю своим долгом привести здесь все подробности для того, чтобы картина эта стала более понятной.

К тому же неблагодарность короля Луи-Филиппа по отношению к господину Жиске не дает мне права замалчивать этот вопрос, а тем более представлять его в искаженном свете.

Да, принц Конде был повешен, задушен особым способом, одним словом, убит баронессой де Фешер.

Страсть старика, его похотливость позволили совершить это преступление, сделали убийство настолько простым, что баронессе не надо было его долго готовить и прилагать большие усилия, чтобы его осуществить.

Известно, что никакие соображения чести и доводы родных не смогли заставить принца порвать с этой женщиной, которая на протяжении многих лет была официально признанной его любовницей. Именно по этой причине она была покинута мужем. С тех пор как возраст лишил принца мужской силы, она стала доставлять ему сексуальные радости с помощью приемов из арсеналов проституток. Приемы сии доходчиво объяснены физиологами. Она его… (здесь мы опустим слово). Именно утонченность, с которой баронесса проводила с принцем эти похотливые деяния, и лежала в основе их многолетней любовной связи.

Баронесса де Фешер приходила по утрам в указанные дни и часы в спальню принца и отодвигала шпингалет замка с помощью привязанной к ней веревки.

После обмена несколькими ласками принц вставал с постели, становился у окна на маленькую табуреточку. На шею надевал шарф, привязанный к шпингалету рамы. Баронесса отодвигала чуть в сторону табуреточку, в результате чего принц вытягивался и слегка напрягался. И в этом положении баронесса у него… (опустим еще несколько слов) до тех пор, пока… несчастный старик не возносился от удовольствия на седьмое небо.

Так обычно происходит со всеми повешенными: в таком состоянии они получают последнее половое удовлетворение…[17]

Баронессе де Фешер, пожелавшей избавиться от принца, оставалось только выбрать день. И в одно прекрасное утро, когда герцог был в привычном подвешенном положении, в тот самый момент, когда он испытывал верх сладострастия, баронесса, как бы случайно, ногой легонько отодвинула табурет в сторону. Совсем чуть-чуть, но этого хватило для того, чтобы герцог был повешен по-настоящему. Находясь на верху блаженства, он не захотел и не смог бороться за жизнь и умер тихо и в наслаждении.

Когда прибыл следователь и констатировал смерть герцога, он составил протокол, в котором отметил, что у ног принца были обнаружены следы эякуляции. Этот протокол был, если можно так выразиться, проигнорирован во время суда, но все же был опубликован.

После того как баронесса де Фешер слегка отодвинула ногой табурет, она спокойно ушла к себе в комнату»[18].

Автор объясняет нам затем, каким именно образом госпожа де Фешер сумела запереть изнутри дверь спальни принца: она сложила вдвое нитку, обмотала ее вокруг ручки, затем закрыла дверь и потянула за оба конца нитки, которые держала в руке; таким образом она закрыла язычок замка. После этого ей осталось только вытянуть нитку…

«Баронесса бесшумно проскользнула к себе, – продолжает Виктор Бутон, – и во дворе по-прежнему стояла мертвая тишина, так что ни один из слуг не мог сказать ничего определенного, а тем более ответить на вопрос: сам ли принц повесился? Маленький табурет стоял неподалеку от ног трупа, и застывшее на его лице спокойствие не имело никакого объяснения.

Эта альковная тайна так и не была раскрыта, но я узнал об этом из архивов префектуры полиции».

Сегодня такое объяснение этой драмы удовлетворяет всех историков.

И все же при этом остается неясным один вопрос: намеренно ли госпожа де Фешер отодвинула ножкой табурет или, забывшись, не успела вовремя вынуть из петли несчастного принца?

Вот этого-то мы уже никогда не узнаем[19].

Позднее замок Сен-Ле, который баронесса получила в наследство, был снесен по ее указанию. Но муниципальные власти на том месте, где некогда висел в петле принц, возвели мраморную мемориальную колонну.

А злые языки, которых всегда и везде предостаточно, язвительно замечали, что это очень символично, поскольку сильно напоминает «нечто» в состоянии эрекции…

---

[17] Манури, один из лакеев принца, тот, кто вынимал его труп из петли, сказал: «guttam quoque sanguini in extrema membri virgilis parte…» Бонни, врач принца, дал такие показания: «Princeps enim, ut diximus, erecto membro, sperma ejaculatus, invertus est». С. 148, 149 уголовного дела о смерти принца Конде (рукопись В. Бутона).

[18] Находясь на смертном ложе, слуга принца, Лекомт, признался, что баронесса обратилась за помощью к своему молодому любовнику, жандармскому офицеру, для того чтобы инсценировать самоубийство принца. Вот что показал Лекомт: «В ночь с 26 на 27 августа 1830 года часов около двух ночи меня разбудил Дюпре, камердинер госпожи де Фешер. Они с женой услышали в комнате герцога Бурбона какое-то подозрительное хождение.Что же там было такое? Ведь обычно в это время госпожа де Фешер в покои принца не входила.Я поспешно поднялся с постели.Едва я приоткрыл дверь в прихожую принца, как при свете своей свечи заметил двух человек, которые стремительно направлялись к потайной лестнице. Я ускорил шаг и догнал их.И тут с удивлением узнал госпожу де Фешер и жандармского унтер-офицера Х…Х… поспешно скрылся на лестнице и очень некстати захлопнул за собой стеклянную дверь. Баронесса же оказалась передо мной.Оправившись от смущения, она после некоторого замешательства строго-настрого приказала мне вернуться в комнату. Я не осмелился ослушаться, хотя у меня возникло предчувствие, что случилось большое несчастье».

[19] Как бы там ни было, но в лице Луи-Филиппа баронесса нашла понятливого покровителя, который быстренько замял дело…

Глава 3
Любовно-политические похождения герцогини Беррийской

Она была кондотьером в юбке и обожала приключения и мужчин…
Жан-Роже Блан

В конце августа 1830 года Тьер вошел в Государственный совет.

– Теперь, – сказала ему госпожа Досн, – ты должен стать депутатом!

Как раз в октябре депутат от департамента Буш-дю-Рон господин де Боссе подал в отставку. Адольф решил воспользоваться представившимся случаем и открывшейся вакансией для того, чтобы получить депутатский мандат. «Но, – указывает Морис Реклю, – ему мешал имущественный ценз закона о выборах 1819 года. Ибо Тьер, несмотря на авторские гонорары журналиста, жалованье государственного советника, успех его книги “История революции”, разбогатеть так и не сумел и поэтому не был достаточно состоятельным кандидатом в депутаты, чтобы заплатить “квантум” налогов, которые предусматривались имущественным цензом. Что же ему оставалось делать? Как было вот так вдруг взять да и превратиться в капиталиста или в богатого землевладельца?»[20]

У Адольфа в голове немедленно созрел план. Он помчался к Софи и начал объяснять ей суть проблемы.

Но не успел он произнести и двух фраз, как она тут же все поняла и решительно прервала его:

– Господин Досн поможет нам в этом.

И действительно, 18 октября Общественно-частная компания «Участки Руджиери и Сен-Жорж», контролируемая мужем Софи, передала Адольфу огромное только что отстроенное здание под номером 3 по улице Нев-Сен-Жорж стоимостью в сто тысяч франков.

Таких денег у Тьера, конечно, не было. Но он не задумываясь подписал вексель, который господин Досн, всегда по-рыцарски щедро относившийся к друзьям жены, никогда так и не предъявил к оплате…

Став домовладельцем, молодой государственный советник тут же помчался в Экс, выставил свою кандидатуру и 21 октября был избран депутатом.

А 2 ноября он стал помощником государственного секретаря…

И довольная госпожа Досн собственноручно приготовила ему с любовью рагу из телятины.

23 ноября 1830 года Адольф Тьер, так складно разглагольствовавший в салонах и перед зеркалом в спальне госпожи Досн, впервые в жизни взошел на трибуну.

Его хвастливая речь просто шокировала Собрание.

Морис Реклю привел мнение только трех народных представителей.

– Он похож, – сказал один из них, – на цирюльника с юга, ходящего из дома в дом и предлагающего свое мыло…

– Вы разве его видите? – спросил другой депутат. – Ведь трибуна скрывает его до самых плеч, а его огромные очки закрывают все остальное. Этот бедолага Лафитт решил стать большим человеком и поэтому обзавелся заместителем, которого не увидишь невооруженным глазом…

[20] **Морис Реклю.** Господин Тьер.

– И правда, его совсем не видно, – поддержал разговор третий. – Но зато его слышно. Какой акцент! Малыш Адольф говорит на таком французском, на котором изъясняются торговки рыбой в его родном городе…

Подобные критические замечания возмутили госпожу Досн. Усадив маленького Адольфа к себе на колени, она стала его утешать:

– Начиная с сегодняшнего дня я постараюсь организовать с помощью мужа небольшой двор.

Я приложу все силы к тому, чтобы эти люди обожали меня, подчинялись мне и слепо за мной следовали. И тогда, для того чтобы понравиться мне, они станут помогать тебе. Когда я скажу: «Прекрасно сказано», они все будут аплодировать тебе.

Когда я произнесу: «Он очень умен», все начнут восхвалять твою гениальность. Короче, желая угодить мне, все они станут твоими придворными…

Маленький Тьер успокоился, вытер слезы и, поскольку у него было доброе сердце, увлек любовницу на канапе и выразил ей свою признательность…

В июле 1831 года Тьер снова поднялся на трибуну Национального собрания. На сей раз (друзья госпожи Досн уже успели обработать Собрание) речь его произвела на депутатов большое впечатление. Раздаривая направо и налево двусмысленные улыбки, раздавая обещания и идя на уступки, Софи навязала-таки Собранию своего маленького любовника.

А Тьер, после того как завоевал трибуну, практически ее не покидал. На каждом заседании он брал слово, как гномик вскарабкивался на трибуну, цитировал Вергилия, Тацита, Руссо, Вольтера, упивался собственными фразами и своим необычным марсельским говорком нейтрализовал самых непримиримых народных представителей.

В конце июля 1832 года для того, чтобы вознаградить усилия Тьера, госпожа Досн решила взять его вместе с мужем и дочерьми на отдых в Тун, близ Милана.

Спустя несколько недель они все находились уже в Вескене, давая соседям возможность полюбоваться умилительной картиной прекрасной и дружной семейки.

Никогда раньше Тьер не был столь счастлив, как во время этих восхитительных каникул. Каждый день они подолгу гуляли. И тогда Адольф получал сразу два удовольствия. Одной рукой он поглаживал Софи, а другой, если можно так выразиться, жестикулируя, беседовал с господином Досном о политике.

Но это идиллическое существование было неожиданно прервано появлением королевского гонца. Луи-Филиппу для того, чтобы повести борьбу против министра Дюпена, чье возраставшее влияние начало беспокоить короля, срочно потребовался человек без комплексов. И поэтому король призвал к себе Тьера. Поняв, что удача наконец-то улыбнулась ему, Тьер обнял госпожу Досн, вскочил в карету и, не переводя дух, примчался в Тюильри.

– Только вы один можете помочь мне сформировать новое правительство, – сказал ему Луи-Филипп.

В этот момент Тьер очень сожалел о том, что рядом с ним не было Софи и что она не слышит эту сладостную фразу. Он немедленно осведомился, чем именно мог бы быть полезен монарху.

– Избавьте меня от Дюпена, который так и рвется в президенты. Уговорите Сульта, подберите людей, и вы получите портфель.

Спустя неделю новый кабинет министров был сформирован. Тьер получил в нем пост министра внутренних дел…

Не успел любовник госпожи Досн как следует освоиться в министерском кресле, как ему пришлось заняться чрезвычайно тонким делом: надо было арестовать одну из самых известных и титулованных женщин Франции. Этот арест, как казалось Тьеру, должен был помочь ему окончательно завоевать доверие короля и добиться монарших милостей. Женщина, против которой он намеревался бросить всю полицию королевства, была не кем иной, как герцо-

гиней Беррийской, матерью герцога Бордосского, ставшего после отречения Карла X королем Генрихом V…

Надо сказать, что эта красавица-герцогиня на протяжении последних нескольких лет очень досаждала Луи-Филиппу. После Июльской революции она уехала вслед за королевской семьей в Англию и, наладив связи с легитимистами[21], стала плести нити заговора с целью свержения Июльской монархии и возведения на трон своего сына.

21 января 1831 года, узнав о ее планах, Карл X официально разрешил ей называться регентшей королевства, «как только она прибудет во Францию».

Она покинула Англию 17 июня и переправилась в Роттердам. Затем пересекла Германию, Тироль, Ломбардию, Пьемонт и 8 июля прибыла в Геную под именем графини де Саган.

Король Сардинии Карл-Альберто отказался (по просьбе Луи-Филиппа) предоставить убежище этой очаровательной заговорщице, и та была вынуждена остановиться в таверне Масса. Там она прожила всю зиму, принимая вандейцев, легитимистов, бывших офицеров Карла X, изъявивших желание принять участие в заговоре против узурпатора. Встретилась она и с сотнями секретных агентов. И всем говорила с верой в будущее:

– Мы победим, поскольку поставили перед собой самую прекрасную и благородную задачу!.. Ну у кого во Франции хватит мужества отказать матери, которая потребует наследство для своего сына от имени шестидесяти королей и восьми веков славы?.. А значит, для того, чтобы вернуть трон Генриху V, достаточно, как остроумно заметил господин де Шатобриан, «опрокинуть горшок домашней монархии»…

У этой тридцатичетырехлетней женщины в жилах текла кипучая неаполитанская кровь. Произнося политические речи перед своим маленьким двором в Масса, она заприметила одного молодого адвоката из Нанта по фамилии Гибур, которого вскоре сделала своим дежурным любовником.

И это позволило ей успокоить нервы накануне выступления в великую экспедицию…

24 апреля 1832 года она с горсткой верных людей поднялась на борт отплывавшего во Францию корабля. В три часа утра 30 апреля корабль высадил ее на пустынном берегу неподалеку от Марселя. Там ее уже ждали, спрятавшись в сосновом лесочке, несколько легитимистов. Они подбежали к герцогине.

– Мы опрокинем горшок! – только и сказала она встречавшим.

После чего провела остаток ночи в одиноко стоявшем деревенском доме, оставив марсельцев (не читавших Шатобриана) в крайнем изумлении и некоторой тревоге…

Утром следующего дня герцог д'Эскар, уже присвоивший себе помпезный титул «генерал-губернатора Юга», сообщил герцогине весьма неприятное известие: попытка восстания, предпринятая марсельскими легитимистами, провалилась.

– Полиции Луи-Филиппа теперь известно, что ваше высочество находится во Франции, – добавил он. – Теперь нас начнут преследовать до того, как мы перейдем к активным действиям.

Затем, выражая беспокоившую его мысль, вздохнул:

– Помимо всего прочего, корабль, доставивший нас сюда, уже уплыл…

Мария-Каролина посмотрела ему в глаза:

– Но, мсье, о возвращении в Италию не может быть и речи! Юг не пошел за нами? Что ж, мы отправляемся в Вандею…

И, надев на голову широкополую соломенную шляпу, пешком отправилась в сторону Нанта.

---

[21] Легитимисты – сторонники свергнутой династии. В данном случае это – сторонники реставрации династии Бурбонов после ее свержения в результате Июльской революции. – *Примеч. пер.*

Ее путешествие через Лангедок было полно приключений. Ночуя то под деревом, завернувшись в одеяло, то в замке у друга, она проделала путь от Марселя до Пласака, используя все возможные средства передвижения: верхом на лошади, в повозке, на лодке, в карете, а то и верхом на муле… Конной полиции надо было быть просто слепцами, чтобы не замечать эту странную путешественницу, которая повсюду появлялась с двумя пистолетами и кинжалом за поясом…

Но некоторые меры предосторожности все же были приняты. В Эксе маркиз де Вильнев затребовал паспорт для поездки в Нормандию, заявив, что должен вместе с женой отправиться навестить больного родственника. Таким образом, герцогиня выступала в роли госпожи де Вильнев. Эту роль она играла очень убедительно и правдиво, причем до такой степени, что люди, ее не знавшие, очень легко в это верили. Поскольку с момента своего отъезда из Экса она была любовницей маркиза…

И это очень помогало ей вжиться в роль…

Мария-Каролина умела сочетать приятное с полезным, политику с любовью и приключения с любовными романами… «Будучи великородной принцессой, – пишет нам Артюр Брюн, – она считала, что ранг ее позволяет ей пользоваться такими привилегиями и такой свободой поступков, которые считались бы преступными со стороны женщины простой и которые были для этой принцессы не чем иным, как признаком отличного здоровья и высокого происхождения…»[22]

Таким образом, за время путешествия герцогиня вела себя, как пылкая маркиза.

Наконец, 7 мая, избежав тысячу опасностей и неоднократно оказываясь на грани катастрофы, она прибыла в десять часов вечера в замок Плассак, где ее с почтением принял маркиз де Дампьер.

Итак, первая ее цель была достигнута: она добралась до Вандеи…

И сразу же созвала совет.

– Мы снова соберем бойцов армий Шаретта, Кадудаля и господина де ла Рошокаклейна. И все вместе изгоним прочь герцога Орлеанского, незаконно занявшего французский трон. А затем коронуем на царство моего сына…

Собравшиеся вокруг нее легитимисты в сомнении качали головами. Сведения, которыми они располагали об облавах полиции, проводившихся по всей Вандее по распоряжению правительства, а также сообщение о прибытии нескольких полков королевских войск приводили их в пессимистическое настроение. Кое-кто из них попытался было раскрыть глаза Марии-Каролине, но она их оборвала:

– Двадцать четвертого мая мы беремся за оружие!

Спустя несколько дней под именем Пти-Пьер, в одежде вандейского пастуха, она покинула замок Плассак и отправилась в Фонтене-ле-Комт, Бурбон-Ванде, Монтегю. Несмотря на наличие десяти полков, посланных для ее поимки, она переходила от фермы к ферме и пыталась поднять крестьян на восстание. Эта ее экспедиция стала непрерывной чередой приключений преимущественно любовного характера.

Вот что поведал об этом Марк-Андре Фабр: «Однажды утром после изнурительной ночной скачки она, совершенно разбитая, остановилась на одной ферме, где ей была приготовлена постель. Едва она начала засыпать, как из соседней комнаты донесся чей-то незнакомый голос. Офицер королевской армии объявил, что тот, кто выдаст герцогиню живой или мертвой, получит награду в пятьсот тысяч франков. Вдруг дверь ее комнаты распахнулась. Мария-Каролина решила, что ее выдали.

– Ну-ка, вставай, бездельник, – заорал хозяин фермы. – Уже семь часов, а коровы еще в стойле! Живо собирайся, а не то я задам тебе трепку!

---

[22] **Артюр Брюн.** Герцогиня Беррийская.

И он швырнул на кровать принцессы рваную одежду пастуха»[23].

Вышедшую из дома «Пти-Пьер» окликнули солдаты:

– Эй, ты, маленький бандит, ты как-то странно ходишь! Иди-ка выпей с нами стаканчик!

Не моргнув глазом, мать Генриха V выпила сидра с защитниками Июльской монархии…

В другой раз хижина, в которой она собиралась заночевать, была окружена солдатами. И ей ничего не оставалось, как броситься в холодную болотную воду, где она и просидела до самого рассвета.

Наконец, 21 мая, Мария-Каролина встретилась с вандейскими вождями, собравшимися на совет в Мелье. Там ее ждало большое разочарование.

– Соберите к 24-му ваши пятнадцать тысяч бойцов, – сказала она им.

Шуаны явно смутились.

– Нам удалось набрать не больше сотни крестьян. Вандея устала от гражданской войны. Сегодня ведь не девяносто третий год… Все думают только о спокойной жизни…

Мария-Каролина, однако, не захотела признать свое поражение.

– Ладно, – сказала она просто. – Я отправляюсь за войсками в Бретань.

А для того чтобы доказать себе самой свое бодрое расположение духа и свою веру в будущее, она провела бурную ночь в постели с господином де Вильнев…

Пока герцогиня Беррийская продолжала жить в нереальном мире грез, в Париже Комитет легитимистов во главе с Шатобрианом, Фитц-Джеймсом и Идом де Невилем пребывал в полной растерянности. Безумное предприятие Марии-Каролины грозило навсегда скомпрометировать и опозорить дело Бурбонов.

Надо было сделать так, чтобы Мария-Каролина отказалась от плана восстания и как можно скорее вернулась в Англию. Комитет поручил Беррье сообщить это решение герцогине.

Знаменитый адвокат прибыл в Мелье 21 мая. Сильно волнуясь, он протянул герцогине письмо Шатобриана.

Обеспокоенная герцогиня, торопливо сломав печать, прочла:

«Гражданская война, как печальное и достойное сожаления событие, в настоящее время невозможна. Она заставила бы напрасно пролиться крови многих французов и отвратила бы от дела законных королей всех, кто мог бы его поддержать».

– И он – тоже! – вздохнула Мария-Каролина.

– Прислушайтесь к голосу разума, мадам, – сказал Беррье. – Я вас умоляю. Вот паспорт, по которому вы сможете уехать в Англию!

– Нет, мсье! Отступать уже невозможно! Что обо мне подумают люди?!

Шесть часов кряду Беррье, призвав на помощь все свое красноречие, пытался ее уговорить. В три часа утра он, наконец, покинул ее, уверенный, что все же добился своего.

Но едва он отправился назад в Париж, Мария-Каролина бросила клич к восстанию и назначила дату выступления: в ночь с 3 на 4 июня.

На сей раз многие тысячи вандейцев, проникшись сочувствием к пламенной принцессе, стали готовиться к войне. И когда пробил набат, в Клиссоне, Лору, Вале и в Эгрефейле отряды крестьян, распевая роялистские песни, потрясая косами и ружьями, устремились на войска узурпатора. Их было в общей сложности три тысячи против пятидесяти тысяч солдат регулярной армии.

И началась ужасная бойня. Побоище, которое длилось шесть дней…

Безумное предприятие обернулось трагедией и полным провалом.

---

[23] **Марк-Андре Фабр.** Герцогиня Беррийская – вандейская Мария Стюарт.

Смертельно перепуганная герцогиня Беррийская 9 июня, переодевшись в крестьянскую одежду, отправилась в Нант в сопровождении своей верной подруги мадемуазель де Керсобьек, пообещавшей найти ей надежное убежище.

Вечером того же дня она укрылась в Нанте в мансарде дома № 3 по улице От-дю-Шато.

И очень скоро вновь обрела спокойствие. А уже на другой день приняла у себя господина Гибура. Того самого молодого адвоката, который был ее любовником в Масса. В его крепких объятиях она и забыла все политические неурядицы…

Дом, где скрывалась от полиции герцогиня Беррийская, находился в довольно тихом квартале далеко от центра города. Очень скоро у Марии-Каролины появились свои привычки. Сидя за маленьким столиком белого дерева, стоявшим между кроватью и камином, она проводила свои «аудиенции».

Естественно, для того, чтобы попасть в мансарду, где располагалась «регентша королевства», надо было предъявить белую петличку. И все было предусмотрено на случай возможного обыска. За камином был тайник, в который можно было попасть, отодвинув в сторону укрепленную на петлях наподобие двери чугунную плиту. Мария-Каролина была очень довольна этим убежищем, в котором в случае необходимости могли поместиться четыре человека.

Каждый день с улицы От-дю-Шато отправлялись «посланцы» с зашифрованными письмами, которые они доставляли в Англию, Италию, Россию, Испанию, Португалию, Голландию. Из маленькой мансарды миниатюрная принцесса старалась привлечь внимание Европы к своему делу и получить финансовую поддержку для того, чтобы свергнуть Луи-Филиппа.

Одного из ее эмиссаров звали Симон Дейц. Мария-Каролина познакомилась с ним в Масса. Он был кельнским евреем, но потом принял христианство и сумел добиться расположения и милостей Ватикана. В июле герцогиня отправила его просить у дона Мигуэля Португальского сорок миллионов франков. Посланец вернулся с весьма обнадеживающим обещанием и решил, что герцогиня, в которую он был влюблен, согласится в знак признательности предоставить в его распоряжение на уголке кровати то, чем она некогда наградила его из каприза в кустах Лангедока…

И он со всей почтительностью намекнул ей на это. Герцогиня в ответ холодно взглянула на него:

– Довольствуйтесь той ролью, которую я вам отвожу в моих делах, – сказала она.

Дейц, в груди которого «зародилась жгучая ненависть»[24], молча поклонился и ушел, оставив Марию-Каролину полностью уверенной в том, что она вскоре сможет возвести своего сына на французский трон с помощью сорока миллионов франков, которые придут из Португалии.

Поражает наивность и доверчивость, с которыми она, по словам оставшегося неизвестным современника, позволяла себе «почесывать свою штучку с помощью любовника господина Гибура, не заботясь ни о чем другом, что всегда исключает возможность получить естественное удовольствие»[25].

А пока герцогиня Беррийская, сидя в мансарде в Нанте, плела нити заговора, Луи-Филипп начал терять терпение:

– До тех пор, пока она не будет арестована и выдворена из Франции, – говорил он, – ни одно правительство не будет чувствовать себя уверенно.

11 октября маршал Сульт сформировал новый кабинет министров, в котором портфель министра внутренних дел по приказу короля был отдан господину Тьеру.

---

[24] **Альфонс Лона.** Дейц и герцогиня Беррийская.

[25] Любовные приключения Марии-Каролины в Нанте. Анонимный памфлет, 1848 г.

И маленький Адольф сразу же решил заняться Марией-Каролиной. Он направил в Нант префектом энергичного Мориса Дюваля с приказом перевернуть вверх дном всю Бретань.

Но приказ этот господин Тьер отдать несколько поторопился, поскольку в одно прекрасное утро он получил письмо от незнакомого человека, который назначал ему свидание в девять часов вечера на Елисейских Полях «для передачи сведений государственной важности».

Удивившись, он показал его префекту полиции. Тот был категоричен:

– Не ходите. Это – ловушка!

Адольф Тьер кивнул и, едва префект полиции вышел из его кабинета, достал из ящика стола и зарядил пару пистолетов. Вечером, в назначенный час, он подъехал в карете на место встречи. В тени деревьев его поджидал какой-то человек. Сунув обе руки в карманы, министр приблизился к незнакомцу:

– Вы желали переговорить со мной, мсье?

Я к вашим услугам. Но давайте лучше сядем в карету, там нам будет спокойнее и удобнее…

Незнакомец отпрянул, как бы намереваясь бежать.

– Вот этого делать как раз не следует, – сказал ему Тьер. – Если вы не сядете в мою карету, мои люди силой заставят вас это сделать.

– Останемся лучше здесь, – предложил Тьеру незнакомец.

– Нет. Поедем в министерство. И не заставляйте меня прибегать к насилию.

Незнакомец сел в карету.

Приехав в министерство, он назвал себя.

Это был Симон Дейц, решивший отомстить герцогине за оскорбление, нанесенное ему две недели тому назад в Нанте…

Он поведал Тьеру о том, что был одним из тайных агентов Марии-Каролины и что ему известно убежище герцогини.

– Через несколько дней я должен вручить герцогине важные документы. Следовательно, я увижу ее. Хотите, я выдам ее вам?

– Сколько? – спросил министр.

– Пятьсот тысяч франков.

– Вы их получите!

24 октября Дейц прибыл в Нант в сопровождении комиссара полиции Жюли. Сразу же по прибытии он отправился на улицу От-дю-Шато, чтобы убедиться в том, что герцогиня по-прежнему скрывается там.

И в мансарде произошла сцена, лишний раз доказывающая, что судьба – великолепный драматург.

Дейц вручил Марии-Каролине два письма. Одно было от Берье, другое – от банкира Жожа.

Вскрыв письма, герцогиня увидела, что они были написаны симпатическими чернилами. Обработав письма реактивами, она стала их читать. Сворачивая второе письмо, она произнесла спокойным голосом:

– Банкир советует мне быть начеку, поскольку один человек, которого я считаю надежным, продал меня господину Тьеру за миллион франков…

И добавила с улыбкой:

– Этим человеком можете быть и вы!

Дейц смутился и пробормотал что-то невнятное в ответ…

Спустя десять минут он распрощался и ушел. Спускаясь с мансарды, он, проходя мимо открытой двери в столовую, увидел стол с семью приборами. Зная, что владельцы дома, девицы Гини, жили одиноко, он сделал вывод, что стол был накрыт для ужина герцогини и близких ей людей.

Он помчался к Жюли:

– Вы можете действовать. Однако поторопитесь: она знает, что ее предали!

Немедленно был отдан приказ, и тысяча двести солдат под командой генерала Дермонкура[26]окружили квартал, где находилось убежище Марии-Каролины.

Во время этой операции с доносчика на всякий случай не спускали глаз.

Вот как генерал Дермонкур описывает начало этой операции:

«Было около шести часов вечера. Погода стояла великолепная. Из окна своей квартиры герцогиня могла видеть, как на тихом небе вставала луна и в ее серебристом свете начали вырисовываться темные контуры древнего замка. Но тут господин Гибур, подойдя к окну, увидел блеск штыков приближавшейся к дому колонны солдат под командой полковника Симона Лорьера». В ту же секунду, отпрянув от окна, он закричал:

– Спасайтесь, мадам, спасайтесь!

Мадам немедленно помчалась наверх по лестнице[27].

Добравшись до своей мансарды, герцогиня и трое ее самых близких друзей: Менар, юная Стилит де Керсабиек и, естественно, дорогой ее сердцу Гибур, отодвинув чугунную плиту, пробрались на четвереньках в тайник.

Вот как Гибур излагает продолжение этой комичной сцены:

«Едва мы задвинули плиту, как в дом ворвались солдаты. Комиссар, который их возглавлял, сразу поднялся на мансарду, которую узнал по описанию предателя.

– Ага, это – зал для аудиенций, – воскликнул он.

Во всех помещениях были выставлены часовые, все улицы были перекрыты, все шкафы в доме открыты, пол и стены простуканы, во всех каминах был разожжен огонь, в том числе и в том, позади которого находилось наше убежище. Хозяйки дома, где скрывалась герцогиня, хранили присутствие духа. Они спокойно сидели за столом, а кухарка отказалась давать полиции какие-либо показания. После шести или семи часов бесплодных поисков префект дал указание уйти всем, за исключением нескольких человек, которые остались в комнатах.

Двое жандармов расположились в мансарде. Эти два молодчика для того, чтобы убить время, стали рассказывать друг другу похабные истории. К огромной радости Марии-Каролины.

– Как жаль, что я не смогу запомнить всего этого, – прошептала она с улыбкой».

Но радовалась она преждевременно, поскольку вскоре перед «узниками» встали серьезные проблемы. Ночь была сырой и холодной, и сидевшие в тайнике люди вскоре начали дрожать от холода. Прижавшись друг к другу, четверка замурованных заговорщиков принялась грызть куски сахара, которые Менар сообразил сунуть в карман.

Часам к десяти жандармы тоже замерзли и решили развести огонь в камине.

Мария-Каролина обрадовалась:

– Теперь-то мы согреемся!

Увы! Их убежище вскоре наполнилось густым дымом, и в нем стало невыносимо жарко. Обливаясь потом, задыхающиеся Мария-Каролина и ее друзья стали менять положение, «переворачиваясь с неимоверным трудом», как писал Гибур.

Чугунная плита раскалилась докрасна, и от ее жара загорелось платье герцогини. Все перепугались.

– Предоставьте это мне, – сказала Мария-Каролина.

И совершенно спокойно погасила огонь, помочившись на платье.

К одиннадцати часам жандармы уснули, огонь постепенно погас и положение затворников стало более или менее терпимым. Так прошла ночь…

---

[26] **Генерал Дермонкур.** Вандея и Мадам.

[27] **Гибур.** Обстоятельства ареста Мадам.

– Может быть, утром они отсюда уберутся, – сказала тихо Мария-Каролина.

Но едва наступил рассвет, проснувшиеся жандармы снова развели огонь в камине. И сразу же убежище заговорщиков наполнилось ядовитым дымом.

«На этот раз, – пишет нам Гибур, – все надежды рухнули, герцогиня сдалась».

Толкнув ногой плиту камина, она крикнула:

– Погасите огонь, мы сдаемся!

С черным от копоти лицом, покрасневшими от дыма глазами, в обгоревшем платье, она на четвереньках выползла из камина. Оказавшись в комнате, она встала и заявила крайне изумленным жандармам:

– Я – герцогиня Беррийская. Вы – французы и люди воспитанные, и я вверяю себя вашей чести!..

Спустя несколько дней Дейц явился в министерство внутренних дел и потребовал обещанные ему пятьсот тысяч франков.

Тьер вручил ему пачку банкнот.

Но держал он их кончиками пальцев…

Глава 4
Герцогиня Беррийская рожает в тюрьме

Она рожала при разных обстоятельствах…
Анри д'Альмера

Через несколько дней после ареста Марию-Каролину доставили на корабле в цитадель Блей, ставшую местом ее заключения.

В начале января полковник Шуссери, на которого была возложена ответственность по надзору за высокородной пленницей, сообщил маршалу Сульту о том, что герцогиня «весьма нездорова и капризна».

В цитадель был направлен доктор Жентрак. Осмотрев Марию-Каролину, он ограничился тем, что прописал ей успокоительные микстуры и ножные ванночки.

На другой день несколько успокоенный полковник Шуссери отписал в военное министерство, что у принцессы было всего лишь легкое недомогание. Но на всякий случай приписал:

«Живот ее, на мой взгляд, несколько округлился, однако это не было обнаружено врачом, хотя многие это заметили».

В тот же самый день адъютант полковника Шуссери лейтенант Фердинан Петипьер записал в своем дневнике:

«По походке и по размерам живота мадам выглядит женщиной, находящейся на пятом или шестом месяце беременности. Однако же я не могу сказать, что со времени ее прибытия сюда она располнела, так как я вижу ее ежедневно. Неужели она и вправду беременна?»

Вскоре этот же вопрос стали задавать себе все, кто ее видел. Все, кроме доктора Жентрака, упрямо продолжавшего утверждать, что недомогания Марии-Каролины являются следствием того, что она дышит влажным и холодным воздухом цитадели.

Шуссери заставил его тогда произвести более углубленный осмотр герцогини с тем, чтобы окончательно рассеять все сомнения. Вот как описывает сцену медицинского осмотра Петипьер:

«Врач решил задать вопрос прямо, но она, не дослушав до конца, прервала его:

– Я поняла, что вас интересует! Вы хотите знать, беременна ли я, не так ли? Так вот: это – моя четвертая беременность!

Сказав это, она встала со стула:

– Пожалуйста, мсье Жентрак, вы можете убедиться в этом сами – пощупайте мой живот! – и распахнула перед ним свои одеяния.

И пока Жентрак производил беглый осмотр герцогини, оставшейся в нижнем белье, она сама взяла свой живот ладонями и сильно сжала его.

– Вот видите, – произнесла она с гордостью, – я беременна! Вы окажете мне большую услугу, если избавите меня от этого уродства.

Снова попавшись на уловку Марии-Каролины, доктор Жентрак явился к полковнику Шуссери и с важностью заявил:

– Я не думаю, что герцогиня беременна. Ее живот раздулся вследствие увеличения селезенки.

Прописав все те же ножные ванночки и растирания, он уехал.

Озадаченный полковник, чье недоумение возрастало с каждым днем, решил обратиться в военное министерство с просьбой прислать к нему врачей из Парижа. Сульт выбрал для этого старейшину медицинского факультета доктора Орфила и доктора Овити, некогда лечившего Марию-Каролину. Оба врача прибыли в Блей 24 января. Увидев их в своей комнате, герцогиня сначала испугалась, но потом взяла себя в руки и заявила, что готова разрешить им осмотреть себя.

Орфила и Овити, сняв плащи, тщательно ощупали живот принцессы, покачали головами, затем надели плащи и… вернулись в Париж.

– Ну что? – спросил их Сульт.

Ответ оказался менее однозначным, чем того ожидал маршал.

– Живот ее показался нам более увеличенным по сравнению с нормальным.

– Так беременна она или нет?

Орфила сделал рукой неопределенный жест:

– Кое-какие симптомы этого есть.

– Отлично, – сказал Сульт. – Тогда мы установим за ней тщательное наблюдение. Я пошлю в Блей человека энергичного и сообразительного…

Спустя неделю, 31 января, полковника Шуссери сменил маршал Бюжо.

Едва прибыв в Блей, маршал отправился взглянуть военным глазом на молодую женщину, а потом отправил Сульту донесение, чтобы проинформировать того о своих подозрениях:

«И в самом деле трудно, – с важностью писал он, – объяснить, как при отличном здоровье у человека может наблюдаться водянка или “распухание какого-либо внутреннего органа”».

Уточним, что в то время герцогиня была на пятом месяце беременности…

Вскоре Бюжо стала беспокоить другая проблема. Несмотря на все более округляющийся живот, Мария-Каролина, казалось, ничуть не беспокоилась о том, что назревал неизбежный скандал.

11 февраля маршал написал Сульту:

«Госпожа герцогиня необычайно весела и играет со своими попугайчиками и собачкой Беви. И это никак не вяжется с ее состоянием, которое можно охарактеризовать как довольно-таки развитую беременность. Если мои догадки верны, у нее есть только один выход спасти свою честь. Им может стать только замужество: реальное или фиктивное».

Храбрый вояка все понял совершенно правильно. Марию-Каролину ничуть не угнетало ее состояние. «Это была уже не первая ее неофициальная беременность, – пишет графиня де Буань. – Она считала, что принцессы стоят выше общепринятой морали в таких делах, и ничуть не опасалась того, что подобное происшествие может серьезно повлиять на ее политическую деятельность». А кроме того, ее друзья за несколько дней подыскали ей «мужа», который согласен был взять на себя самое необычное бремя отцовства…

22 февраля Бюжо, опасаясь того, что его могла постигнуть судьба Шуссери, стал умолять Марию-Каролину сказать ему правду:

– Правительство будет признательно вам за откровенность, мадам. Ответьте же, вы ждете ребенка?

Герцогиня, видимо, поняла, что за признание она получит свободу. Зарыдав, она бросилась на грудь маршалу и призналась, что тайно вышла замуж и теперь была на шестом месяце беременности.

Бюжо облегченно вздохнул:

– Мне нужно письменное подтверждение, – сказал он.

Мария-Каролина взяла перо и бумагу и написала:

«Ввиду того что на меня давят обстоятельства и правительство, а также и несмотря на то, что у меня есть серьезные причины держать в тайне мое замужество, я полагаю, что обязана перед собой и моими детьми объявить о том, что во время моего пребывания в Италии я тайно вышла замуж.

Мария-Каролина».

Этот документ был немедленно переслан Сульту, и тот распорядился опубликовать его в «Мониторе» от 26 февраля.

Узнав о том, что герцогиня Беррийская, этот «чистый ангел дела реставрации Бурбонов», эта «вандейская Мария Стюарт», ожидает в тюрьме рождения ребенка, легитимисты были поражены. Большинство из них заявили, что все это грязная клевета, состряпанная правительством и пущенная для того, чтобы дискредитировать «регентшу».

Сторонники Орлеанского дома просто поинтересовались, кто же отец будущего ребенка.

Был ли им Гибур? А может быть, Розамбо, этот близкий друг по ссылке и по вандейской эпопее? А почему бы не Дейц, как предполагал Бюжо? Назывались самые невероятные имена…

И вот 10 мая герцогиня родила девочку, которой дали имя Анна-Мария-Розалия. Тут мы предоставим слово доктору Дене:

«Недавно я принял роды у госпожи герцогини Беррийской, законной супруги графа Эктора Луккези-Палли, князя Кампо-Франко, камергера короля обеих Сицилий, проживающего в Палермо».

Когда было обнародовано имя отца, все французы – сторонники Орлеанского дома – стали насмехаться:

– Ну и муженька нашла себе герцогиня! Более позорного фарса и придумать было нельзя! Когда же это они успели пожениться? Каким образом этот итальянец сумел свидеться с Марией-Каролиной в августе 1832 года? Ведь в это время она скрывалась в мансарде в Нанте!

Легитимисты, припертые к стене фактами, все же отбивались:

– Ну и что из того, что она родила? Ведь муж ее – человек известный и из превосходной семьи. Кампо-Франко – потомки одного из двенадцати нормандских баронов, завоевавших с Танкредом Сицилию по возвращении из Святой земли. Герцогиня тайно вышла замуж за графа Эктора в 1831 году, а в Нант он приезжал к ней инкогнито из Голландии.

Но все это было явно шито белыми нитками, а посему смехотворно.

На деле же никто ничего доподлинно не знал. И вся Франция ломала себе голову над одним-единственным вопросом: кто же все-таки настоящий отец крошки Анны-Марии-Розалии?..

Для легитимистов отцом был, разумеется, только Луккези-Палли. Однако их немного смущала версия Марии-Каролины. Они опасались того, что орлеанская партия от жителей Гааги узнает о том, что в августе 1832 года граф ни на один день не покидал Голландии…

И тогда они предоставили другое объяснение встречи «супругов»:

– Принцесса еще не оправилась от родов, когда давала свои показания, – заявили они. – И поэтому она так запутанно все объясняла, и мы все подумали, что ее муж виделся с ней в Нанте. На самом же деле все было не так. Это она, переодевшись в вандейскую крестьянку, ездила в августе в Голландию. Естественно, поездка эта происходила втайне, и никто в Гааге про это не знал. Она, впрочем, виделась с графом Луккези очень мало, поскольку вскоре тайно вернулась в свою мансарду.

Скажем сразу, это объяснение сегодня ставится под сомнение всеми историками. Вот что пишет Марк-Андре Фабр:

«Легитимистам хотелось бы, чтобы Анна-Мария-Розалия была ребенком, зачатым в Голландии, куда Мария-Каролина якобы ездила, переодевшись крестьянкой, на свидание с графом Луккези-Палли, а потом вернулась к своим друзьям в Нант. Позднее они приводили для подтверждения этой смелой версии два письма, обнаруженные виконтом де Рейзе после смерти герцогини “в ворохе старых бумаг”. В одном из них говорилось:

“Ваш быстротечный визит, во время которого Вы подвергали себя стольким опасностям, был для меня настоящей мукой, хотя и доставил мне счастье снова увидеться с Вами”.

Другое письмо было написано герцогиней и заканчивалось такими словами:

“Последствия моего быстротечного визита заставляют меня приоткрыть тайну нашего союза”.

Но эти письма, датированные периодом заточения в Блее, были написаны явно для того, чтобы поддержать вторую версию, точно так же, как было составлено задним числом отцом Розавеном свидетельство о свадьбе. Среди бумаг, обнаруженных в мансарде в Нанте и сданных в Национальный архив, есть подробный перечень полученных и отправленных герцогиней писем за период с 23 июня по 18 сентября. Там упомянут почти каждый день этого отрезка времени, за исключением двух-трех каждого месяца. Значит, за это время Мария-Каролина не покидала своего убежища в Нанте»[28].

Для того чтобы объяснить происхождение захваченных документов, легитимисты заявили, что герцогиня, «прежде чем отправиться в Голландию к мужу, оставила друзьям письма с проставленными впрок датами с тем, что, если ее убежище будет обнаружено, ничто не смогло бы указать на ее поездку, которая могла бы быть истолкована в ущерб интересам Генриха V»[29].

Как заметил один из биографов Марии-Каролины: «Враги режима на все имели ответ, и именно ими были придуманы эпизоды любовного романа, достойные пера Ксавье де Монтепена, для того чтобы спасти честь герцогини»[30].

Орлеанисты, естественно, не поверили ни единому слову из данных легитимистами объяснений. Они организовали расследование с помощью высокопоставленных лиц своих политических противников и сумели собрать достаточно сведений, чтобы предложить свою версию, которая ныне принята всеми историками. Вот в каком виде представил ее Ж. Люка-Дибретон:

«В начале 1833 года герцогине потребовалось срочно найти мужа, и сторонники Карла X взялись за дело. Возглавляла их бывшая фаворитка Людовика XVIII госпожа дю Кайла, сохранившая остатки былой красоты и необыкновенную предрасположенность к интригам. Проживая в Гааге, она поначалу нажала на находившегося там проездом неаполитанского посла господина де Рюффо. Но когда тот понял, о чем идет речь, то испугался и срочно уехал.

Тогда она обратила свой взор на графа Эктора Луккези, который вначале тоже сделал вид, что ничего не понимает. Ярый легитимист, Рошешуар присоединил свои усилия к усилиям указанной дамы с тем, чтобы вынудить Луккези “взять герцогиню замуж и тем самым спасти ее честь”. Однако граф оставался глух к этим просьбам. Но время поджимало, и плен-

[28] **Марк-Андре Фабр.** Герцогиня Беррийская – вандейская Мария Стюарт.

[29] **Барон де Менар.** Мемуары.

[30] **Жан-Батист Тюро.** Герцогиня Беррийская.

ница не могла ждать бесконечно, пока ей подыщут мужа. И тогда на сцене появился финансист Уврар с очень убедительными “доводами”. Сколько же денег получил от него Луккези? Сто тысяч экю? Миллион? Этого никто не знает. Известно лишь только, что граф все же согласился удостоиться чести быть отцом ребенка. А посему в небольшой итальянской деревушке немедленно было сфабриковано свидетельство о заключении брака, датированное июля 1831 года»[31]. Версию орлеанской партии позднее частично подтвердил доктор Мерьер. После того как Мария-Каролина вернулась в Палермо, он написал из Италии министру внутренних дел письмо, датированное 30 июля 1833 года. Вот это письмо:

«Между молодым Эктором и госпожой герцогиней Беррийской никогда не было ни малейшей интимной близости. Графу от роду не более двадцати восьми лет, он честолюбив, но человек чести, и он не мог пойти на это из корыстных соображений. Граф был предан партии легитимистов и не колеблясь пожертвовал собой в данном случае. Он несколько раз виделся в Масса с герцогиней, которая посылала его в Париж; с депешами к главе партии Генриха V, но никогда не был в Вандее. А принцесса ни разу не ездила в Гаагу, хотя после возвращения из Голландии граф неоднократно пытался пустить такой слух.

Лживость обеих историй, сочиненных явно наспех после того, как была обнаружена беременность, очевидна. В Голландии молодой граф узнал о видах на него. Он был вынужден занять шесть тысяч франков для того, чтобы совершить поездку в Италию, где получил окончательные инструкции… Граф оставался здесь инкогнито, и те немногие люди, которые его видели, нашли, что он был очень грустен. С тех пор как он находится в Палермо, этого мнения придерживаются все. У молодого графа не хватило сил до конца сыграть свою роль; отцовство это его явно гнетет, и герцогиня даже решила удалить отсюда ребенка. Меня два раза приглашали к принцессе, и я нашел ее сильно изменившейся. Ее веселье показалось мне явно наигранным. Уж коли мало тех, кто верит в женитьбу, то еще меньше доверия у людей вызывает отцовство графа Эктора. Но все уверены в том, что, будучи человеком преданным идее и романтичным, он согласился прикрыть своим именем столь не к месту происшедший несчастный случай. Все также полагают, что, как человек честолюбивый и доверчивый, он в глубине души не испытывает, однако, столь уж сильного неудовольствия от того, что довольно близко находится от богатства принцессы, которая, по его мнению, должна добиться новой Реставрации».

И наконец, существует серьезный документ, который окончательно разрушает версию о тайной женитьбе в Италии. Это – копия, собственноручно снятая госпожой дю Кайла с одного из писем Марии-Каролины из Блея, адресованного Оливье Бурмону и пришедшего в Гаагу 12 апреля 1833 года, то есть за два месяца до родов. Письмо, очевидно, было зашифровано:

«На всю свою жизнь, дорогой мой Оливье, я сохраню признательность к Вам за то, что Вы сообщили мне о чувствах графа Эктора. Я сама напишу ему о том, как я признательна и тронута его предложением, которое с глубокой благодарностью принимаю, и заверю его в том, что отныне сделаю все, что в моих силах, чтобы он был счастлив.

Я полагаю, очень важно, чтобы он со всей осторожностью и как можно скорее отправился в Неаполь с тем, чтобы зарегистрировать бракосочетание, и потом подождал меня там. Я, естественно, оставляю за собой право обеспечить по контракту судьбу Эктора, когда прибуду в Италию и ознакомлюсь с состоянием моих дел. Я воспользуюсь этим столь деликатным его разрешением сослаться на него, если будет нужно. Но думаю, что этого не потребуется. В моем письме к графу Л… говорится о том, что я полностью согласна при-

[31] **Ж. Люка-Дюбретон.** Герцогиня Беррийская – принцесса в застенке.

нять его в качестве супруга. От него же я прошу через вас хранить все в абсолютной тайне от всех, кроме его отца, если, конечно, он сочтет нужным все рассказать своему родителю. Само собою разумеется, что для неаполитанского короля, для его семьи и для всех моих родственников брак этот был заключен во время моего пребывания в Италии, но возможность узнать об этом они должны получить не ранее, чем я обрету свободу.

Если уж придерживаться версии краткосрочной поездки в Голландию, то поездка эта могла иметь место только в период с 15 августа по 15 сентября. Мне нет необходимости заверять Вас в моей искренней дружбе и говорить, насколько я тронута этим новым доказательством Вашей преданности»[32].

Значит, граф Луккези-Палли всего лишь подставное лицо? Но кто же тогда отец Анны-Марии-Розалии?

Даже современники тех событий отказались от мысли установить его личность.

– Дело в том, – говорили они обескураженно, – что это не первая такая слабость герцогини. Помните о ее неожиданных исчезновениях в Росни, в Бате? Уже тогда это наводило на размышления. После рождения ребенка в Англии появляется ребенок в Вандее. Да, эту неаполитанку целомудренной не назовешь[33].

Ну так что же из того?

Большинство современных историков полагают, что отцом «ребенка из Блея» был молодой и соблазнительный нантийский адвокат Гибур, проводивший долгие вечера теа-а-тет с Марией-Каролиной в мансарде дома по улице От-дю-Шато. Но это все только одни предположения, и ни один официальный документ это не подтверждает.

А посему из осторожности мы присоединимся к мнению графини де Буань, которая пишет в своих «Мемуарах»:

«Не знаю, останется ли для истории тайной имя настоящего отца. Лично мне оно не известно. Думаю, следует ли сделать такой же вывод, какой сделал Шатобриан, ответивший мне на этот вопрос так:

– Ну кто вам может назвать имя, коль она сама этого не знает?..»[34]

[32] Это письмо принадлежит принцу де Бове.

[33] Цитируется по **Ж. Люку-Дюбретону.**

[34] Графиня де Буань сообщает также о том, что маленькая Анна-Мария-Розалия была отдана «некоему посреднику, как громоздкий и компрометирующий сверток». Бедное дитя пробыло там неделю. Девочка умерла зимой 1833 года…

Глава 5
Господин Тьер женится на дочери своей любовницы

Мужчине не понравиться не может
То, что любимая поесть ему предложит.
Ее стряпня всего и всех ему дороже!

Любовь и кухня. Песня XVIII века

После ареста герцогини Беррийской Тьер поспешил к госпоже Досн для того, чтобы сообщить ей о своем успехе.

Едва он произнес первые слова, как супруга сборщика налогов министерства финансов, облегченно вздохнув, поспешно начала снимать с себя одежду. Она была столь эмоциональной, что при всякой хорошей новости «у нее начиналось почесывание в потаенных местах».

Быстро раздевшись, она тут же затащила Тьера на кровать, раздела его с ловкостью лущильщицы гороха и, по очаровательному выражению некоего репортера того времени, «пригласила его потоптать свою лужайку».

Маленький Адольф, приведенный своим политическим успехом в боевое состояние, немедленно на эту лужайку взобрался и стал выделывать тысячи мальчишеских выходок, которые очень посмешили бы зрителей, если бы эти вещи не проделывались втайне от всех.

По окончании «сеанса любви» госпожа Досн и ее маленький «великий человек» завели долгий и нежный разговор.

– Ты обязан воспользоваться своей победой, – сказала Софи. – Судьба позволила тебе, блестяще завершив дело, начать карьеру министра, поэтому постарайся, пока члены правительства аплодируют тебе, выйти через парадную дверь!

Обессиленный Тьер, зарывшись в подушки, прошептал:

– …И потом подождать, чтобы они предложили мне более важный пост?

– Ты правильно меня понял. Но только будь начеку. Тебе нужен портфель министра торговли и общественных работ. Тогда у тебя окажутся в подчинении Архив королевства, музеи изящных искусств, театры и «Опера». И в твоих руках будут все нити, которые открывают дверь Французской академии…

Адольф сразу же сообразил, за какую веревочку следует дернуть для того, чтобы открылся замок заветной двери. Встав с постели, он принялся ходить, голый, взад-вперед по комнате, строя вслух проекты великих свершений:

– Я закончу сооружение Триумфальной арки и отреставрирую памятники Парижа, которые сейчас пришли в упадок и разорение: базилику Мадлен, Пантеон, Колледж Франции, Вандомскую колонну, Музей изобразительных искусств, Бурбонский дворец…

Госпожа Досн улыбнулась:

– И тогда мой Адольф станет членом Академии…

Эта перспектива пришлась Адольфу Тьеру по душе.

Не говоря ни слова, он вновь вскарабкался на кровать и быстро отыскал место, где бы он мог «погасить» свое возбуждение…

Через несколько месяцев маленький марселец пункт за пунктом выполнил всю программу действий, составленную любовницей.

31 декабря 1832 года он получил портфели министра торговли и общественных работ. И немедленно распорядился приступить к реставрации всех исторических памятников Парижа. Он занялся установкой обелиска и заказал статую Наполеона.

Последняя инициатива стоила ему многих язвительных насмешек:

«Только постарайтесь не рассмеяться, – писал некий репортер. – “Монитор” официально сообщил нам о том, что недавно была отлита статуя Наполеона и что господин Тьер лично руководил этой операцией. Можете себе представить статую Наполеона, отлитую по инициативе облеченного властью карлика, который мог бы уместиться в сапоге статуи императора? Что же касается статуи самого господина Тьера, то мы не нашли для нее лучшего места, чем Вандомская площадь, где он смог бы уместиться как раз между ног Наполеона…»

Но этот «облеченный властью карлик», не обращая ни малейшего внимания на колкости журналистов, продолжал претворять в жизнь свой план. Весной 1833 года, заказав у Этекса, Рюдо и Корто скульптурные композиции для украшения Триумфальной арки, он выставил свою кандидатуру в члены Французской академии.

Несмотря на свои годы (ему в то время было всего тридцать шесть лет), он был избран в Академию семнадцатью голосами против шести (в числе которых был и Шарль Нодье) при двух воздержавшихся…

Госпожа Досн, снова усадив его к себе на колени, сказала:

– Адольф, теперь ты можешь иметь для себя все, что пожелаешь. Но ты должен изменить свой образ жизни. Великий государственный деятель не может быть холостым. Он должен устраивать у себя приемы, праздники, давать балы. Ему нужна подруга жизни. Ему нужна хозяйка дома.

Короче, ему нужна жена…

Тьер взял руку Софи.

– Нет, – мягко возразила госпожа Досн. —

Я не могу покинуть господина Досна. Но я могу предложить тебе жену, которая нас не разлучит.

Как ты смотришь на женитьбу на Элиз?

Элиз была старшей дочерью госпожи Досн. Ей было пятнадцать лет, и Адольф считал ее еще ребенком. Бывшая любовница Тьера госпожа Дино так описала ее портрет:

«У нее приятный цвет лица, красивые волосы, стройные ножки и нежные ручки, большие глаза, правда лишенные всякого выражения, к тому же неприятный рот, хамская улыбка и выпуклый лоб… У нее вечно надутый вид и ни малейшей предупредительности…»

Увидев нерешительность любовника, Софи стала настаивать:

– Она нежна и послушна. И очень меня любит. Она будет гордиться тем, что станет твоей женой. И даст нам возможность спокойно продолжать любить друг друга. От нее ты не увидишь ни слез, ни сцен ревности. В наших отношениях не произойдет никаких перемен…

В конце концов Тьер сдался, и 6 ноября 1833 года в «Конститюсьонель» было опубликовано небольшое сообщение:

«Вчера мадемуазель Досн, дочери генерального сборщика налогов города Лиля, исполнилось пятнадцать лет, и вчера же состоялась церемония помолвки ее с господином Тьером. Ходят слухи, что мадемуазель Досн очень мала ростом, однако очень красива и, главное, очень богата: ее приданое оценивается где-то в два миллиона франков»[35].

В Париже это сообщение произвело эффект разорвавшейся бомбы. Решение министра-академика жениться на дочери своей любовницы буквально шокировало даже видавших виды людей[36]. В Тюильри королева Мария-Амелия просто пришла в ужас:

– Это ложится позорным пятном на наше правление, – сказала она королю.

Луи-Филипп попытался ее успокоить:

---

[35] На самом же деле приданое Элиз составило всего 300 000 франков.

[36] В «Школе журналистов» Дельфин Гэ, ставшая госпожой де Жирарден, так охарактеризовала господина Досна:…сей завитой толстяк,Чтоб связь семьи скрепить,Любовника жены решил на дочери женить.

– Господин Тьер – честолюбец, для которого все средства хороши. Пусть поступает так, как считает нужным. И посмотрим, до чего он дойдет, чтобы узнать, на что он способен.

Свадьба состоялась без излишнего шума 7 ноября в полночь в мэрии второго округа Парижа. После чего молодожены отправились в церковь Сен-Жан, что находилась в предместье Монмартр, и получили там благословение кюре[37].

В час ночи Адольф и Элиз в сопровождении госпожи Досн, нежно их расцеловавшей, отправились спать в министерство.

Галантный Тьер повел себя с малышкой Досн точно так же, как вел себя всегда с ее милой мамочкой…

На другой день, узнав о том, что брак этот был освящен церковью, королева успокоилась.

– Все-таки этот Тьер уважает религию…

Конечно, она не могла предположить, что министр, зная о нуждах кюре церкви Сен-Жан, получил от того отпущение не высказанных ему прегрешений в обмен на калорифер…

[37] Спустя четыре года Бальзак описал в «Семействе Нусингенов», как Растиньяк (прообразом которого послужил Тьер) женился на дочери своей любовницы.

Глава 6
Была ли Фанни Эльслер любовницей Наполеона II?[38]

Это танцевало тело, полное желаний…
Грильпарзер

В июне 1834 года парижане, потрясенные бойней на улице Транспонтен[39], на некоторое время отвлеклись от политики и заинтересовались приезжей танцовщицей.

Этой танцовщицей была знаменитая Фанни Эльслер, приглашенная директором театра «Опера», доктором Вероном, во Францию для того, чтобы порадовать парижскую публику.

Парижские газетчики напечатали восторженные отзывы о молодой балерине, и вскоре всему Парижу стало известно о том, что у нее были «самые красивые в мире ноги, безупречные колени, очаровательные руки, грудь богини и женское очарование самой Дианы».

Этих качеств вполне хватило для того, чтобы заставить предаться мечтам о ней всех мужчин, начиная с маршала Сульта и кончая последним приказчиком. Но восторженным парижанам суждено было вскоре пережить такой удар, от которого не смогли оправиться даже некоторые из их потомков.

2 июня журналист Шарль Морис, руководивший «Театральным курьером», опубликовал о Фанни статью, которая заканчивалась такими словами:

«Когда эта артистка работала в Венском театре, ходили слухи, что ею интересовался некий очень милый французам принц, умерший от отчаяния в расцвете лет. Правдив ли этот слух или ложен, он вполне может вызвать расположение и пробудить интерес парижан к мадемуазель Эльслер (sic). Но это можно расценить всего лишь как повод к тому, чтобы вызвать сладостные воспоминания, всего лишь как мысль, связанную со столькими надеждами и со столь жестоким разочарованием. Всего лишь поводом (несомненно косвенным) для того, чтобы засвидетельствовать те чувства, которые хранят французы к останкам знаменитых соплеменников, спасенным из потока отступничества. А посему люди воспользуются случаем для того, чтобы пойти посмотреть, поаплодировать и поразмышлять».

И сразу же во всех парижских салонах, конторах и лавках люди стали задавать себе и друг другу вопросы. Неужели это возможно? Неужели эта молодая женщина и вправду была любовницей сына Наполеона I, Орленка, который умер два года тому назад? Можно ли представить себе, что эти тонкие ручки гладили белокурые локоны сына императора?

Спустя несколько дней статья Жюля Жанена в таком серьезном печатном органе, как «Дневник дебатов», рассеяла сомнения самых скептически настроенных людей.

«Не так давно в Вене, – писал журналист, – в парке, окружавшем королевскую резиденцию, появлялась вечерами некая молодая женщина, за которой наблюдал, свесившись из окна, герцог Рейхштадтский[40].

Эта молодая женщина была первой и последней радостью сына императора.

Фанни Эльслер покинула Австрию. Там ей больше делать было нечего. Она не могла далее танцевать там после того, как навеки закрылись блестящие живые глаза, смотревшие на нее с любовью. Теперь, когда ложа юного принца опустела, Фанни Эльслер ничто больше не

---

[38] Жозеф-Франсуа-Шарль Бонапарт (1811–1832 гг.), сын Наполеона I и Марии-Луизы. – *Примеч. пер.*

[39] 14 апреля 1834 года парижский Комитет защиты прав человека решил поднять народ на поддержку жителей Лиона, выступивших за установление республики. В районе Марэ на улицах выросли баррикады. Попытка восстания в Париже была жестоко подавлена. Больше всего крови было пролито на улице Транспонтен, где все обитатели дома № 12, из окна которого был произведен ружейный выстрел, были перебиты солдатами.

[40] Провозглашенный императором Наполеоном II, сын Наполеона I не правил ни одного дня и всю свою недолгую жизнь провел в замке Шенбрунн. В 1818 году для него было учреждено герцогство Рейхштадтское.

связывало с Веной. Теперь она принадлежит прекрасному французскому королевству и преданным ей восторженным жителям славного города Парижа».

Танцовщица стала государыней, которую славный парижский люд, хранивший преданность идее бонапартизма, готов был везде и всегда приветствовать криками: «Да здравствует император!» и «Долой Луи-Филиппа!»

Поэтому совершенно понятно, что 15 сентября, когда Фанни впервые появилась на сцене театра «Опера» в балете «Шторм», ее ждал триумф. И потом в течение нескольких месяцев изо всех уголков Франции люди приезжали в Париж только для того, чтобы поаплодировать «той, кого так любил король Римский»[41]…

К несчастью, в 1835 году бонапартистов и поклонников таланта Фанни ждал, по выражению одного из авторов мемуаров, «холодный душ в разгар эйфории». Один из редакторов «Театральной газеты» опубликовал статью, полностью опровергавшую утверждения Шарля Мориса и Жюля Жанена. Вот что в ней говорилось:

«Нам неоднократно утверждали, что юный принц, рожденный на ступенях самого прекрасного в Европе трона и унесенный, ко всеобщему сожалению, чахоткой три года тому назад, был так страстно влюблен в мадемуазель Фанни Эльслер, что, умирая, повторял имя этой очаровательной немецкой танцовщицы. Говорилось еще много подобных вещей, всего и не упомнишь. Однако же истина требует, чтобы здесь я ответил на утверждение некоторых историков. Мне известно от одного большого любителя балета и завсегдатая Венской оперы, являвшегося преданным и восторженным почитателем таланта сестер Эльслер, что ни в театре, ни в каком другом месте сын Наполеона никогда не встречался с этой артисткой, к которой, как утверждали некоторые, он испытывал столь нежные чувства. Пусть кто-либо попробует меня опровергнуть. Мой венский друг всегда готов подтвердить приведенные мною его высказывания».

Так где же правда?

Попробуем в этом разобраться.

И начнем с того, что выясним, кто же такая эта Фанни Эльслер?

Эта двадцатичетырехлетняя немка была дочерью уроженца Силезии, служившего лакеем у Гайдна[42]. Получив неплохое артистическое образование, она дебютировала в Карнтер-Тор, где очаровала зрителей своей красотой и грациозностью. И вскоре богатый и влиятельный шевалье де Жанц, бывший лет на сорок старше ее, приметил молодую танцовщицу и стал ее любовником.

Через него Фанни познакомилась с Меттернихом и часто виделась с графом Прокеш-Остеном, близким и неразлучным другом Орленка.

После смерти своего покровителя в 1832 году она стала любовницей одного берлинского танцора. После того как Фанни поселилась в Париже, она стала вести себя очень примерно и разумно и не имела одновременно более трех любовников, что для танцовщицы в те времена считалось чуть ли не верхом целомудрия.

Ибо театр «Опера» славился тем, что его женская половина труппы состояла из пылких грешниц, отчаянных потаскух и бесстыдных куртизанок.

Когда одна из них, Полина Дюверне, отказалась от ста тысяч франков, предложенных ей неким русским вельможей, против нее выступил с осуждением весь кордебалет.

– Никогда ты не станешь великой балериной, – заявили ей подруги.

---

[41] Жозеф-Франсуа-Шарль Бонапарт сразу же после рождения был провозглашен отцом «королем Римским». – *Примеч. пер.*

[42] Бедняга просто боготворил своего хозяина. Рассказывают, что когда Гайдна не было дома, Эльслер брал курительницу для благовоний и часами любовался портретом композитора.

И тогда она поспешила реабилитировать себя, но, следует признать, довольно любопытным способом. Спустя некоторое время, когда некий пылкий молодой секретарь посольства предложил ей свою жизнь, она ответила нежно:

– Все это только слова, мсье. Я уверена, что если я попрошу подарить мне ваш зуб, вы откажете мне в этом.

Молодой человек помчался к дантисту и вернулся к балерине с зубом в руке. А чтобы доказать ей, что зуб этот не был где-нибудь куплен, он открыл рот.

– Ах, бог мой, – воскликнула балерина. – Вы ведь ошиблись. Я же хотела нижний зуб!

Несчастный влюбленный упал в обморок…

Фанни Эльслер не походила на этих танцовщиц. Она не была падкой на деньги. Кроме того, она отличалась от своих подруг этаким изысканным языком, к которому приобщилась во время жизни с шевалье Жанцем, что поражала своими знаниями многих журналистов.

Она также довольно грамотно писала, что было большой редкостью для того времени. В качестве примера приведем ставшую знаменитой записку некой балерины своему любовнику:

«Наш рибенок у мир. Приди па раньши. Мине нада тибе видить».

Нет, Фанни Эльслер отнюдь не была заурядной танцовщицей.

А вот была ли она любовницей Наполеона II?

Историки, уверенные в том, что эта связь все же имела место, в первую очередь ссылаются на то, что герцог Рейхштадтский жил в Шенбрунне намного свободнее, чем это принято считать. Они утверждают, что он часто посещал балы, и цитируют высказывания графа Прокеш-Остена:

«Однажды он рассказал мне, что накануне вечером он с графом Морисом Эстергази, чей веселый нрав был так ему по душе, надев маски, отправились на бал, а потом пошли проводить графиню Х…[43] и довели ее до самого дома, где собралось много гостей, которые там веселились и танцевали. Для всех гостей эти две маски так и остались загадкой, разгадку к которой знала одна только хозяйка дома. Герцог не скрывал, что совершил весьма легкомысленный поступок, но сказал, что не смог удержаться от искушения сделать что-либо для того, чтобы при дворе его не считали ни на что не способным. К счастью, про это никто не узнал, и в этом я смог убедиться позднее, хотя в то время мне это и показалось невозможным»[44].

Эта свобода, позволявшая молодому герцогу покидать дворец и волочиться за юбками, кому-то может показаться странной. Некоторые историки видят в этом один из главных элементов дьявольского плана Меттерниха. По мнению этих историков, австрийский министр, зная о слабом здоровье принца, якобы намеренно подталкивал его вести столь разгульный образ жизни для того, чтобы ускорить его кончину. Один из современников подтверждает это:

«Он с жадностью искал шумных удовольствий на балах, ночи напролет кружил в вихре вальса скорее утомительного, нежели сладострастного, поскольку размеренным немецким танцам он предпочитал резвые прыжки английского галопа или головокружительные фигуры французских танцев. Поэтому окружение принца не без тревоги замечало, как этот молодой человек, некогда бывший столь солидным, столь занятым важной работой и столь серьезным, возвращался под утро бледным и усталым после утомительных бессонных ночей, проведенных на балах»[45].

---

[43] Графиня Нодин Кароли, урожденная княгиня Кауниц.

[44] **Граф Прокеш-Остен.** Мои отношения с герцогом Рейхштадтским. Посмертные мемуары. 1878 г.

[45] Простая и полная история жизни Наполеона II, герцога Рейхштадского.

Меттерних, видя, что праздники и бессонные ночи не дают желанного результата, решил достичь цели другим способом, подбросив Орленку очередное увлечение. С помощью графа Эстергази и Густава де Нойперга (сына второго мужа Марии-Луизы) герцогу регулярно стали поставлять девиц легкого поведения, опытных в любовных играх и способных проводить многочасовые сеансы любви.

И в этом Меттерних вроде бы даже преуспел, если верить автору «Истории Наполеона II», писавшего:

«Герцог как бы пожелал предаться одновременно всем излишествам сразу и повел против самого себя войну на истребление. Он распахнул свое сердце для впечатлений, которые могли бы стать для него источником нежных утешений, но которые, будучи всего лишь результатом бурной страсти, необузданной и бесцельной, ускорили разрушение этого столь изношенного, хотя и молодого, организма превосходившими человеческие возможности физическими нагрузками и моральными потрясениями».

Какой бы ни была доля вины Меттерниха, следует все же признать, что у Наполеона II в Вене было несколько любовных романов. Его любовницами были, помимо графини Кауниц, эрцгерцогиня Фредерика-София и даже певица мадемуазель Пеш.

А если Орленок мог быть любовником певицы, говорят историки, то почему же нельзя допустить того, чтобы он мог стать любовником балерины? И, основываясь на том факте, что Фанни Эльслер со своим любовником шевалье де Жанцем часто бывала у Меттерниха и что, кроме того, у лучшего друга юного герцога графа Прокеш-Остена была своя комната в доме танцовщицы, они сделали вывод, что Фанни, выбранная австрийским правительством для того, чтобы «помочь Европе избавиться от стеснявшего ее наследника», вполне могла быть любовницей Наполеона II…

Противники версии существования связи Наполеона II с Фанни не стали черпать доказательства в ходивших по венским салонам сплетнях. Они ограничились двумя категорическими и бесспорными свидетельствами. Первое из них представлено графом Прокеш-Остеном. Когда Наполеон III попросил его сказать правду по волновавшему всех французов вопросу, молодой венец написал одному из своих друзей:

«Я укажу ему на лживость слухов, предполагающих существование любовной связи герцога с Фанни Эльслер».

А в своих «Мемуарах» добавил следующее: «Сплетни эти родились вследствие того, что иногда в дом, где проживала Фанни Эльслер, этот слуга являлся туда потому, что у нас с господином де Жанцем была в этом доме комната, служившая нам рабочим кабинетом или читальней, и слуга герцога, зная, что чаще всего найти меня можно было именно там, приносил в этот дом коротенькие записки от хозяина или же устно передавал мне просьбу герцога навестить его».

Второе свидетельство было предоставлено господином де Мирбалем. В одном из писем к своей кузине тот написал:

«Мадемуазель Фанни Эльслер, о которой мне только что рассказала мадам де Мирбаль, является известной танцовщицей и очень порядочным человеком. Про нее говорят, что она была последним увлечением сына Наполеона, но она уверяет, что ничего подобного между ними не было. И ей можно верить…»

Но тогда встает другой вопрос: почему же Фанни Эльслер так долго ждала, прежде чем заявить, что у нее с Орленком ничего не было? Ведь могла же она уже в июне 1834 года просто-напросто прислать Шарлю Морису и Жюлю Жанену опровержение и потребовать, чтобы

их газеты это опровержение опубликовали. Но она так почему-то не поступила. Более того, она осталась в прекрасных отношениях с первым из указанных журналистов. И даже прислала ему очень теплое письмо, в котором, возможно, и лежит разгадка всей этой проблемы. Вот это письмо:

«Просим Вас, мсье, соблаговолить оказать нам протекцию, как вы это делали до сегодняшнего дня. Вы так добры! Вы своей благожелательностью делаете артисток счастливыми! Всегда преданные Вам сестры. 11 августа 1835 года

Фанни
и Тереза Эльслер».

Что же такого сделал Шарль Морис, если сестры Эльслер считают его своим «благожелательным покровителем»? Что написал он такого, если смог завоевать такую признательность этих двух артисток? Быть может, роман Фанни с Орленком был им просто-напросто выдуман в рекламных целях, подобно тому, как ныне пресса «устраивает» рекламные скандалы из жизни артистов? Это кажется вполне вероятным, и то, что ему последовал Жюль Жанен, никоим образом не противоречит нашему предположению. Поскольку сегодня мы видим ежедневно, как газетчики, желая казаться хорошо осведомленными, не задумываясь подхватывают информацию, выдуманную собратом по перу…

Таким образом, любовная связь между Фанни и сыном Наполеона была не больше чем плодом богатого воображения журналиста.

Но эта легенда была слишком прекрасной для того, чтобы кануть в Лету в результате лишь одного опровержения. Люди, обожавшие сказки о золушках и феях, продолжали верить в тайную любовь самой соблазнительной балерины того времени и самого красивого принца всех времен и народов.

Доказательством этому для Фанни послужила приключившаяся с ней весьма любопытная история.

Однажды некий юный англичанин предложил ей крупную сумму денег в обмен на любовь. Танцовщица, как мы уже отмечали, была довольно равнодушна к деньгам и ответила отказом. Тогда англичанин утроил сумму. Известно, что, начиная с определенной суммы, женщины перестают считать, что они продаются за деньги. Сумма эта становится как бы данью их красоте. И Фанни согласилась вознаградить настойчивого англичанина. Она разделась, юркнула в постель и стала ждать.

Но англичанин раздеваться не стал. Резким движением он сдернул с нее одеяло, поднес к глазам монокль и долгое время разглядывал обнаженное тело балерины.

Потом накрыл ее одеялом, убрал монокль и произнес:

– Спасибо! Теперь я видеть могила герцог Рейхштадт…

После чего вышел из спальни, оставив на каминной полке набитый деньгами бумажник…

Глава 7
Мария-Луиза вела в Парме распутный образ жизни

Ее образ жизни заставляет биографа опуститься до деталей хроники, где скандалы перемежаются с бесстыдством…
Ле Портефей (Дипломатический журнал, 1848 год)

Однажды летним вечером 1821 года в английском посольстве произошла любопытная сцена. Некий прелат явился туда в сопровождении двух офицеров. Встретивший их швейцар осведомился:

– Как прикажете доложить, монсеньор?

Ответ был кратким:

– Доложите, что прибыл епископ Амьенский с сыновьями.

Видя, что стоявшие в вестибюле лакеи недоуменно вытаращили глаза, а швейцар стал пунцово-красным, прелат, желая избежать осложнений, с улыбкой произнес:

– Хорошо, доложите, что прибыл епископ Амьенский с племянниками.

Это успокоило простодушных слуг.

Следует признать, что сей остроумный епископ не походил на обыкновенного священнослужителя. До посвящения в епископский сан он успел послужить офицером мушкетеров во время Семилетней войны, гусарским капитаном, послом Франции в Венеции и духовником герцогини Беррийской. Но самым почетным его титулом (и к тому же самым необычным) стало звание «тестя бывшей императрицы Марии-Луизы»…

Как же это случилось?

Вот об этом-то сейчас и пойдет речь.

Монсеньор де Бомбель, архиепископ Амьенский, принял сан в возрасте шестидесяти пяти лет после смерти своей жены Анжелики де Мако. У него было три сына. Старший был послом Австрии в Тоскане, средний – гувернером императора Франца-Иосифа, а младший – подполковником австрийской армии.

Вот этот-то третий сын по имени Шарль и женился тайно на бывшей французской императрице.

Мария-Луиза стала вдовой в 1829 году. Генерал де Нойперг, ее второй муж, не смог, как утверждали злые языки, противостоять скуке от разговоров с герцогиней Пармской. Другие говорили, что бедный генерал умер от истощения, наступившего вследствие безуспешных попыток удовлетворить неугасимое желание своей слишком требовательной супруги.

Сведения, которые мы смогли почерпнуть в летописях и мемуарах тех времен, позволяют нам предположить, что последнее объяснение причины его смерти самое вероятное. В то время Мария-Луиза и впрямь страдала от прилива крови к половым органам, и это заставляло ее искать «раз по десять – пятнадцать в день и, как правило, в наименее подходящих для проявления воли естества местах то охлаждение, которое доставляют потайным местам дам пылкие атаки любовников»[46].

Случалось, что во время прогулок на природе Мария-Луиза вдруг начинала испытывать непреодолимую «жажду любви». И тогда она без раздумий покидала своих спутников и отправлялась на поиски любовных приключений.

[46] **Шарль Вердье.** Влюбленная Мария-Луиза.

Автор «Скандальной хроники времен Реставрации» рассказывает в этой связи вот такую пикантную историю:

«Однажды, когда маленький пармский двор проезжал через лес, герцогиня, ноздри которой уже некоторое время возбужденно дрожали, остановила карету и сказала:

– Езжайте вперед, я пройдусь пешком.

Встретимся на перекрестке дорог.

И пошла по тропинке, которая вывела ее на поляну, где рубил дерево молодой дровосек.

Мария-Луиза приблизилась к нему и с этакой непринужденностью великих людей предложила ему пройти с нею за кустики.

Молодой человек, который даже представить себе не мог, что столь прекрасная дама заговорит с ним, стоял как вкопанный около поленницы дров, совершенно не понимая, чего хочет от него графиня.

– Ну иди же! – сказала ему Мария-Луиза.

И, взяв дровосека за руку, подвела его к ложу из мха, легла и резким движением задрала юбки «чуть выше того места, которое так любил Его Императорское Величество».

Окончательно потрясенный этим неожиданным зрелищем, бедный дровосек стал креститься и бормотать молитвы, думая, что перед ним колдовское видение.

Раздраженная Мария-Луиза схватила его за ногу и дернула так, что он упал рядом с ней.

– Ну иди же, дурень!

На сей раз парень решил, что имеет дело с одной из тех злых и похотливых фей, которые, по народному поверью, бродят по лесу и стараются соблазнить и погубить мужчин.

Резким движением он высвободил ногу, вскочил с земли и помчался, словно безумный, к родительской хижине. Прибежав домой, он, весь дрожа от страха, рассказал, какой опасности только что избежал.

Его отец и пятеро других дровосеков в это время валили огромный дуб. Побросав топоры, они с сомнением выслушали его и, расспросив, где молодой человек встретился со злой феей, спешно направились к указанной поляне.

Вскоре они наткнулись на Марию-Луизу, которая, озирая лес блуждающим взором, искала хоть какого-нибудь мужчину. Увидев приближавшихся к ней шестерых дровосеков с волосатыми руками, она вскрикнула от восторга и упала на траву.

И тогда дровосеки, которые давным-давно не верили в существование похотливых фей, выстроились в очередь, словно к булочнику в голодные годы, и поочередно вручили бывшей императрице самое дорогое, что у них было…

А тем временем молодой человек, испугавшись, что отец его подвергается опасности, с воплями помчался в сторону перекрестка, где свита ожидала Марию-Луизу.

Господин де Маршал, императорский комиссар, присланный из Вены после революции в Парме 1831 года, вышел из кареты и подозвал парня к себе:

– Что случилось?

– Злая фея хотела заставить меня совершить грехопадение. И теперь я боюсь, что она причинит зло моему отцу и его друзьям, которые отправились прогнать ее из нашего леса!

И тогда господин де Маршал покачал головой, – сообщает нам автор “Хроники”. – Спросив, как была одета эта “фея”, он легко узнал по описанию, о ком идет речь, и посоветовал молодому человеку возвращаться домой и держать язык за зубами».

Придворные, зная свою герцогиню, улыбаясь украдкой, стали ждать, чем закончится эта история.

– Оставайтесь здесь, – сурово приказал им господин де Маршал. – Я пойду посмотрю, не вранье ли все эти россказни. Мне надо убедиться, не угрожает ли Ее Светлости госпоже герцогине опасность…

Спустя несколько минут он подошел к поляне и увидел Марию-Луизу, заканчивающую развлечение с последним дровосеком.

А остальные пятеро, блаженно улыбаясь, сидели рядом на стволах поваленных деревьев и ждали, когда их приятель закончит свое дело.

Увидев господина де Маршала, они ужасно перепугались и кинулись прочь, бросив своего приятеля, который продолжал «работать, не подозревая о присутствии свидетеля». Когда дровосек закончил свое «дело» и увидел имперского комиссара, бедняга вскочил, «даже не успев застегнуться, помчался к своей хижине».

Мария-Луиза тут же открыла глаза и увидела господина де Маршала.

– Как? И вы тоже? – спросила она с любезной улыбкой. – От вас-то я этого уже не ожидала.

Но имперский комиссар, сделав вид, что ничего не заметил и не понял, сказал просто:

– Надеюсь, Ваша Светлость, вы не простудитесь, решив так неосторожно прилечь ненадолго на траву?

Мария-Луиза, ни слова не сказав, поднялась с земли и пошла к своей карете.

А через несколько дней господин де Маршал, чье положение при герцогском дворе стало невозможным, направил в Вену прошение об отзыве его в Австрию.

И тогда Меттерних послал в Парму графа Шарля де Бомбеля.

Мария-Луиза встретила его загадочной улыбкой.

«Граф де Бомбель, приезда которого я так опасалась, очень мне понравился, насколько я могу судить за столь короткое время знакомства с ним, – написала она своей подруге Виктории. – В нем есть все, о чем можно только мечтать: твердость и обходительность манер, и одновременно это человек очень добродетельный, настоящая находка».

Прошло совсем немного времени, и Мария-Луиза решила затащить этого достойного господина в свою постель, приобщив его к удовольствиям, получаемым на стеганом одеяле. С этой целью она начала принимать его в прозрачных дезабилье, «которые не скрывали ничего, – сообщает нам господин де Гротц, – ни живота, в котором был выношен король Римский, ни груди, так бурно вздымавшейся при падении Парижа, ни ягодиц, о которых так тосковал на острове Святой Елены император Наполеон».

Герцогиня без труда добилась успеха в задуманном предприятии, и новый великий магистр пармского двора стал регулярно проводить ночи в ее спальне.

А 17 февраля 1834 года он тайно женился на ней.

Бедняге-графу приходилось еженощно выполнять тяжелейшую задачу. Он, безусловно, догадывался о том, что его ждало, поскольку господин де Гротц утверждает, что новоиспеченный муж однажды якобы сказал своему приятелю:

– Каждую ночь мне надо воздавать почести вдове Наполеона, вдове Нойперга, дочери императора эрцгерцогине Австрийской, бывшей французской императрице, герцогине Пармской и, наконец, моей жене…

Согласитесь, для одного мужчины это слишком много.

Несмотря на значительные силы и пылкий темперамент, которым суждено было оставить свой след в истории, господина де Бомбеля очень скоро стало явно недостаточно для того, чтобы удовлетворить Марию-Луизу.

Рассказывали, что с самого утра, пока бедный граф забывался тяжелым сном поденщика, бывшая императрица, сверкая глазами и облизываясь, носилась по коридорам в поисках красивых кавалеров…

Найдя кого-либо, она тащила свою жертву в какую-нибудь отдаленную комнату и там, «рабыня хромосом австрийских императоров», заставляла партнера, как тогда говорили, «надраивать до блеска полуостров»…

Естественно, такое ее поведение вскоре возбудило подозрения графа де Бомбеля, и тот принялся искать средство для того, чтобы охладить свою слишком пылкую супругу.

Ему показалось, что спасение заключается в небольшом путешествии на воды в австрийский город Ишль.

– Думаю, вам надо поехать на воды, – сказал он герцогине. – Я нахожу, что у вас очень утомленный вид, и полагаю, что курс лечения пойдет вам на пользу.

Кроме того, он посоветовал ей пить побольше козьего молока, поскольку этот напиток тогда считался сильнодействующим успокоительным средством. Граф наивно полагал, что молоко способно унять любовный зуд и погасить бесстыдное пламя.

А для полного своего спокойствия он решил, под предлогом «опасности, которой может подвергаться Мария-Луиза в тот момент, когда итальянские карбонарии грозили ввергнуть Европу в огонь войны и залить ее кровью», что перед комнатой во время поездки и пребывания ее в Ишле должна будет неотлучно находиться стража.

И наконец, господин де Бомбель строго-настрого приказал людям, которые должны были поочередно охранять покой и блюсти нравственность его жены, «ни под каким предлогом не впускать в комнату герцогини ни единого мужчины, если они не хотят оказаться в тюрьме».

Спустя несколько дней Мария-Луиза, запечатлев на губах мужа целомудренный поцелуй, села в карету, увозившую ее в Австрию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.